

1928/4

се
10055 / 11ч 1392

К Р А Т К А Я
Р И Т О Р И К А .

11. 1. 1905

Мерзляков, А. К.

К Р А Т К А Я
Р И Т О Р И К А,

И Л И

П Р А В И Л А, О Т Н О С Я Щ И Я С Я К О
В С Ъ М Ъ Р О Д А М Ъ С О Ч И Н Е Н И Й
П Р О З А И Ч Е С К И Х Ъ,

ИЗДАНИЯ

Д Л Я Б Л А Г О Р О Д Н Ъ Х В О С П И Т А Н Н И К О В Ъ
М О С К О В С К А Г О У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Г О
П А Н С И О Н А

П р о ф е с . А . М е р з л я к о в ы м ъ .

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

М О С К В А .

В Ъ У Н И В Е Р С И Т Е Т С К О Й Т И П О Г Р А Ф И И .

1 8 2 8 .

К

РН179

М4

1828

Книгу сію разсматривалъ *Адъюнктъ Словесныхъ Наукъ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ Побѣдоносцевъ*. 1821 года, Февраля 28го дня.

Четвертымъ изданіемъ печатанъ позволяется. Москва, 1828 года Юня 27го дня. Въ должности Предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета *Сергій Аксаковъ*.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ РИТОРИКУ.

§ 1. Подъ словомъ *рѣчи* вообще разумѣется всякое словесное выраженіе нашихъ мыслей и чувствованій, расположенное въ нѣкоторомъ опредѣленномъ *порядкѣ* и *связи*. Порядокъ и связь ^{опредѣляютъ} опличаютъ искусственную рѣчь отъ языка. Подъ словомъ языка, въ пространномъ смыслѣ, понимаешь надобно всѣ правила рѣчи, составляющія шеперь при особенныя науки: *Логикку* или *Діалектику*, кошорая учишь думаешь, разсуждаешь и выводидь заключенія *правильно, связно и основательно*; — *Грамматикку*, кошорая показываешь значеніе, употребленіе и связь словъ и рѣчей, — и *Риторикку*, кошорая подаетъ правила къ послѣдовательному и почному изложенію мыслей, къ изящному и плѣнительному расположенію частей рѣчи, сообразно съ видами каждаго особеннаго рода прозаическихъ сочиненій.

§ 2. И пакъ Риторика, приняшая во всемъ ея пространствѣ, заключаетъ

А

въ себѣ *полную теорію Краснорѣчія*. *Краснорѣчіе*, какъ обыкновенно понимаемъ, есть способность выражать свои мысли и чувствованія на письмѣ или на словахъ правильно, ясно и сообразно съ цѣлю говорящаго или пишущаго. Древніе подъ именемъ *Краснорѣчія* разумѣли единственно искусство *Орашора*; а подъ именемъ *Риторики* — правила, служащія къ образованію *Орашоровъ*. Теорія прочихъ прозаическихъ сочиненій была предметомъ *Диалектики* и *Грамматики*.

§ 3. Цѣль *Риторики*, какъ теоріи всѣхъ прозаическихъ сочиненій, не ограничивается *убѣжденіемъ* и *доказательствами*. Въ противность древнимъ и нѣкошорымъ новѣйшимъ Училищамъ, мы понимаемъ подъ симъ словомъ науку научать нашъ разумъ и занимать воображеніе, или трогать сердце и дѣйствовать на волю. И такъ искусство *научать*, *занимать*, *трогать*, *доказывать* составляетъ предметъ всякаго прозаическаго Писателя.

§ 4. *Смысль*, или *чувство* и *выраженіе* оныхъ составляетъ сущность *Речи*, и должны быть въ надлежащей связи почно такъ, какъ душа и шело.

То и другое, какъ матерія и форма, служишь предметомъ Риторики, кошорая впрочемъ не проспирасень своихъ изслѣдованій до мыслей и до словъ, предоспавляя эшо Логикѣ и Грамматики. Она болѣе смощришь на *красоту и стройность* сочиненія, щ. е. она учишь мысли, правильно обдуманнныя, и по правиламъ Грамматики выраженныя, предоспавляшь въ видѣ изящномъ и соощвѣщсвенномъ каждому роду Краснорѣчя.

§ 5. Нѣкошорые подѣ именовемъ Краснорѣчя разумѣюшь стихи и прозу, а другіе одну прозу, раздѣляя щакимъ образомъ всю науку Словесности на два рода, на *искусство прозаическое* и на *искусство стихотворное*. Сіе раздѣленіе основано не на одной наружной формѣ шого и другаго рода; оно зависишь ошь сущесшвеннаго различія предметовъ и цѣли, кошорыя предполагаюшь себѣ Орашоръ и Спихошворецъ: одного намѣреніе научишь, а другой имѣешь въ виду особенно — удовольсшвіе.

§ 6. Ещшь люди, кошорые ошличаюшся щакимъ - шо природнымъ Краснорѣчьемъ; они никогда не учились

правиламъ Риторики, но, имѣя здравой разумъ, живое чувство, вкусъ и легкость въ языкѣ, выражающъ свои мысли ясно и въ такомъ порядкѣ, который совершенно соотвѣтствуетъ ихъ цѣли. Сія, частію отъ Природы получаемая, частію воспитаніемъ, обращеніемъ и чтеніемъ образованная способность обезпечиваетъ успѣхи предлагаемаго нами искусства, и сама приобращаетъ посредствомъ правилъ новой блескъ, силу и совершенство. Отъ всякаго Писателя требуется, чтобы онъ со всѣхъ спорныхъ предметовъ своей рѣчи, чтобы онъ каждую минушу обладалъ самимъ собою, чтобы самъ былъ увѣренъ въ причинахъ и доказательствахъ, которые предлагаетъ другимъ, и чтобы наконецъ самъ былъ живо проникнутъ чувствованіями и спрашивую, которую намѣренъ возбудить въ сердцѣ читателя.

§ 7. Польза. Краснорѣчія очевидна для каждаго, кто обращаетъ вниманіе на его существо и цѣль. Ни одна наука не имѣетъ столь великаго вліянія на душевныя наши силы. Какъ Изящное Искусство, Краснорѣчіе влѣкаетъ наши сердца и воспаляетъ

воображеніе; эшаго мало: будучи разсмашриваемо въ собспвенныхъ своихъ предълахъ, оно опособспвуешъ къ распротспаненію познаній, къ открьтію новыхъ истинъ, и всъмъ вообще наукамъ доспавляетъ новыя доспощнства и прелести. Посредствомъ его не только мысли и познанія, но самыя чувства, склонности и спраспа людеи, намъ неизвѣстныхъ, отдаленныхъ отъ насъ вѣками, спановяшся нашими собспвенными, современными. Оно научаетъ насъ избирать предметы, разбираетъ ихъ, и описываетъ прилично, порядочно и связано; оно даетъ самой истинѣ большую силу убѣдительности, и самымъ спраспамъ больше выраженія и проташельности; оно образуетъ наши нравы.

§ 8. Нраспорѣче обращается въ искусство безнужное и вредное, когда оставляетъ благородную цѣль свою, т. е. когда оно устремлено будетъ не къ выгодамъ истины и добродѣтели, но къ распротспаненію заблужденія и пороковъ; когда оно рѣшится защищать правила и мнѣнія, противныя чистой нравспвенности, или будетъ одѣвать вредемы, сами по себѣ па-

губные и соблазнительные, въ одежду пріятную и благовидную, чшобы заманишь въ свои сѣти неопытный и ослѣпленный умъ пишателя, или слушателя. И такъ не Краснорѣчіе, но его упошребленіе навлекло на себя справедливыя уворизны въ древности и въ новѣйшія времена; злоупошребленіе всегда будетъ порицаемо, между пѣмъ какъ наука безпрестанно приводится къ совершенству, безпрестанно сіяетъ въ новомъ немерцающемъ свѣтѣ.

§ 9. Для образованія истиннаго Орашора и для пріобрѣтенія надлежащаго успѣха во всѣхъ прозаическихъ сочиненіяхъ не довольно однихъ правилъ Риторики. Для сего необходимо нужно познакомишься съ лучшими образцами искусства, какъ между древними, такъ и новѣйшими произведеніями. Молодой благоразумной пишомецъ Музь, занимающійся чтеніемъ лучшихъ Авторевъ, видишь, какимъ образомъ достигли они бессмертнымъ своимъ сочиненіямъ истинную красоту, совершенство и подлинную классическую важность. Внимательное изученіе Писателей подаетъ намъ случай узнать собственнаго ихъ характеръ, и возбуждаетъ въ насъ

благородное стремление къ подражанію. Такимъ образомъ, чрезъ непрерывныя упражненія въ Краснорѣчіи и чрезъ образованіе своихъ способностей, приобрѣтаемъ мы большія силы, вѣрнѣе чувство *излишняго и добраго*, и беспрѣйный взоръ для опущенія погрѣшностей.

§ 10. Изобрѣшеніе языка и письма перенесъ во мракъ древности. Начало Краснорѣчія гораздо къ намъ ближе; оно предполагаетъ уже нѣкоторое образованіе языка и значительные успѣхи въ усовершеніи обществъ. Первое Краснорѣчіе можно назвать свободнымъ изліяніемъ сердца, покореннаго невольнымъ порывамъ чувствованій и спрасшей. Первые Орапоры не обдумывали и не слагали рѣчей своихъ по правиламъ Риторическимъ. *Соотвѣтствовать своей цѣли* — сіе первое, существенное правило всѣхъ Риторикъ было тогда однимъ правиломъ, одною нитью, по которой Авторъ располагалъ свое слово.

§ 11. Гораздо прежде появления прозаическихъ сочиненій Стихотворство было образовано, и пользовалось исключительно всеми правами на уваженіе; оно посвящено было значитель-

шимъ историческимъ происшествіямъ. Ни одинъ народъ въ древности не способствовалъ столько успѣхамъ Красноръчія, сколько Греки. Блестательныя дарованія, благородное чувство свободы, богатство и гибкость языка, Философія и Полишика, все сіе вмѣстѣ устремлено было къ одной цѣли, къ образованію Орашоровъ. Не только Учищели Ришорики, но даже Грамматики и Философы занимались Теоріею Словеснаго Искусства, во всемъ его пространствѣ. Греческіе Писатели лучшихъ временъ обращали свое вниманіе столько же на слогъ, сколько и на мысли. Римляне были ихъ счастливые подражатели, и въ продолженіе блестящей эпохи своей республики усовершенствовали не только практическую, но и учебную часть Красноръчія.

§ 12. Въ такъ называемыя среднія времена всеобщій мракъ, распростершійся надъ науками, сокрылъ опять взоромъ послѣдніе слѣды Красноръчія, которое лишено было вдругъ всѣхъ своихъ способовъ: тонкій вкусъ, здравая Философія, основательное познаніе языка — все изчезло. Нѣкоторые роды прозаическихъ сочиненій были со-

вершено забыты, другіе весьма мало обработаны; всю ученость тогдашняго времени составляли ширанскія схоластическія полкованія Аристотелевыхъ правилъ. Но какъ скоро духъ древней Словесности получилъ новую жизнь; какъ скоро Ученые обратились опять къ древнимъ языкамъ: тогда снова воцарилось и чувство красоты, начали подражать лучшимъ образцамъ, приводить въ совершенство свой языкъ, и сдѣлались гораздо внимательнѣе къ правильности, точности, выразишельности и благозвучію языка. Такимъ образомъ образовался слогъ прозаическій между новѣйшими народами, хотя Краснорѣчіе, принятое во всемъ его пространствѣ, никогда уже не могло возвратиться себѣ прежняго своего величія.

§ 13. Поэзія и Изящныя Искусства существовали гораздо прежде, нежели Піирика и правила Искусствъ; подобно тому, Краснорѣчіе гораздо прежде было извѣстно, нежели начали преподавать объ немъ правила, копорыя вообще почерпнуты изъ памятниконъ, оставшихся отъ первыхъ Орашоровъ. У Грековъ особливо блистательные успѣхи сего Искусства про-

извели многихъ Риторовъ, копорые всѣми своими открытіями въ тайнствахъ вкуса, всѣми своими правилами, относительно къ численому слогу, обязаны вѣрными своимъ наблюденіямъ и разбору лучшихъ Писателей. Между Авторами, копорые писали о Краснорѣчіи, и коихъ сочиненія дошли до насъ, заслуживающъ особенное наше вниманіе слѣдующіе: *Аристотель, Діонцій Галикарнаскій, Термовій, Астониусъ, Федръ, Деметрій Фалерійскій и Лонгинъ.*

§ 14. *Римъ*, увлекаемый воинственными духомъ, долго не могъ обратишь своего вниманія на искусство и науки; очень поздно уже начали учиться въ немъ Краснорѣчію словесно и письменно. Въ семъ отношеніи прославился особенно *Цицеронъ, Квинтиліанъ* и неизвѣстный Сочинитель разговора о *причинахъ упадка Краснорѣчія.*

§ 15. Изъ новѣйшихъ Писателей, копорые, по возстановленіи наукъ, сочинили учебныя книги, касательно Краснорѣчія, заслуживающъ нашу благодарность слѣдующіе:

На Латынскомъ языкѣ: *Фоссій и Эрнести.*

На Италіянскомъ: *Веттинелли*.

На Французскомъ: *Рапень, Бюфье, Фенелонъ* и *Издатель правилъ о чтеніи Орапоровъ*.

На Англійскомъ: *Лавзонъ, Кампбелъ, Пристлей* и *Блеръ*.

На Нѣмецкомъ: *Готшедъ, Базедовъ, Миллеръ* и *Лунднеръ*.

У насъ, въ Россіи, *духовные Отцы* первые начали собирать Риторическія правила, слѣдуя методъ Греческихъ и Латинскихъ Риторикъ. — Изъ свѣтскихъ Писателей имѣють неоспоримое право на признательность нашу: *Тредьяковскій*, и особливо *Ломоносовъ*. — Риторика *Рижскаго* и благонамѣренныя *пруды Шишкова* также достойны всякаго уваженія.

§ 16. Риторическія наставленія въ пространномъ смыслѣ соспоятъ частію изъ правилъ, которыя относятся къ хорошему слогу вообще, частію изъ особенныхъ разсужденій о каждомъ особенномъ родѣ сочиненій. Сіи роды суть: а) *Письма*, б) *Разговоры*, в) *Разсужденія или учебныя книги*, д) *Исторія истинная или вымышленная*, и

наконецъ е) собственно такъ называемыя *Рѣчи*. Сообразно сему порядку мы расположимъ наши *Риторическія* наставленія.

I.

Всеобщая теорія прозаическимъ сочиненій.

§ 1. Слогомъ, или стилемъ во всѣхъ родахъ письменныхъ сочиненій называемъ мы словесную одежду мыслей и чувствованій, какого бы онъ содержанія ни были. Всякой слогъ имѣетъ свой собственный характеръ. Различіе въ слогахъ происходитъ: 1. отъ характера Писателя; 2. отъ сущности матеріи, которую онъ избралъ; 3. отъ цѣли, которую онъ себѣ предположилъ, и наконецъ 4. отъ расположенія, въ которомъ онъ пишетъ.

§ 2. Мы прежде видѣли, что цѣль каждаго прозаическаго сочиненія должна быть или нравоученіе, или удовольствіе, или возбужденіе спрасни. Цѣль сія одна и та же для всѣхъ родовъ

сочиненія; но намѣреніе Писателя можешь дѣйствовать на ходъ и силу его шворенія, и слогъ измѣняется. Сіи измѣненія могутъ быть безчисленны. Не входя въ подробность, мы полагаемъ здѣсь главные при рода слога: 1. *народной или простой*, 2. *средній или умѣренный* и 3. *высокой*. Кромѣ сихъ можешь быть слогъ *простой, блестящій, трогательный, цвѣтушій, живописный* и проч. Всякой изъ нихъ болѣе или менѣе относится къ вышеупомянутымъ шремъ родамъ.

§ 3. *Простонародному* слогу болѣе свойственны: *ясность, легкость, чистота, краткость и точность*. Онъ удаляется всѣхъ пышныхъ украшеній, всего, что воспламеняетъ воображеніе и шрасши: цѣль его — спокойное наученіе разума. Допуская иногда даже нѣкошорую видимую небрежность, онъ имѣетъ свою красоту и пріятность; его правильное употребленіе шредполагаетъ въ Писателѣ здоровой и основательной разсудокъ, шщательное разсмашриваніе мыслей и чувствованій. Такимъ слогомъ пишущся особенно *учебныя книги и письма*, и пошому — шо его называють *догматическимъ* и

Б

письменнымъ. Онъ иногда имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ, и даже въ самыхъ рѣчахъ.

§ 4. Средній или умѣренный слогъ оплывается полношю и богатствомъ выражений. Возвышаясь весьма примѣтно надъ низкимъ или народнымъ слогомъ, онъ удерживается отъ сильныхъ и смѣлыхъ порывовъ высокаго слога. Онъ позволяетъ себѣ нѣкоторую мѣру Орапорскихъ украшеній, которыя должны быть больше пріятны, нежели блещущи, больше прогашельны, нежели высоки; онъ не шерпитъ чудеснаго и величественнаго, и чуждается слишкомъ разительныхъ и красивыхъ мыслей и выражений. Такимъ образомъ сочиненія, написанныя симъ слогомъ, получаютъ извѣстную степень живости, привлекательности, силы. Часто самыя низкіе предметы, принадлежащіе къ народному слогу, заимствуютъ отъ него благородство и возвышенность. Обыкновенное мѣсто его во всѣхъ нравственныхъ разсужденіяхъ, важныхъ и страшныхъ дисъмахъ, прагматическихъ повѣствованіяхъ и въ нѣкоторыхъ рѣчахъ.

§ 5. Высокой слогъ принадлежитъ къ собственно такъ называемому Краснорѣчю или рѣчамъ, и въ шакомъ только случаѣ, когда пребуешь сего слѣга или величїе предмета, или ошмѣнно живое чувство и возвышенность духа. Главные испочники сего слога суть: великія и необыкновенно благородныя мысли, сильныя, попрысающія движенія сердца, пламенное воображеніе и гармоническое расположеніе словъ. Все сіе однако имѣетъ вліяніе не на характеръ цѣлаго сочиненія, но только на нѣкоторыя его часты; пошому что новость и разительность возвышенныхъ предметовъ, шочно шакже какъ и живое чувство сердца и фантазіи, не могутъ быть непрерывными, но встрѣчающа шлучайно.

§ 6. Симъ шремъ родамъ хорошаго слога противополгаеша шолько же *дурныхъ*. Молодые писатели, не опытные въ таинствахъ вкуса, не имѣющіе надлежащаго познанія о правилахъ и образцахъ, часто впадають въ погрѣшности. Простонародный слогъ въ рукахъ шакихъ учениковъ шановишся низкимъ, слабымъ, сухимъ, дышскимъ, или изнѣженнымъ. Средній слогъ

безъ спрогаго надзора кришкики, перяешь свою спезю, и превращаешь или въ возвышенной, или въ низкой, и по и другое не въ своемъ мѣстѣ, безъ надлежащаго отношенія между предметомъ Писателя и его намѣреніемъ. А высокой слогъ, чуждой вкуса, несогласный съ своею цѣлю, дѣлаешь напыщеннымъ, безсмысленнымъ и темнымъ; лишеннымъ чувства и мыслей, спановишь ненашуральнымъ и холоднымъ.

§ 7. Всеобщія или существенныя свойства хорошаго слога во всѣхъ родахъ прозаическихъ сочиненій суть слѣдующія: *правильность, точность, пристойность, благородство, живость, красота и благозвучіе*. Первое изъ сихъ свойствъ, *п. е. правильность*, или исправность, принадлежитъ болѣе къ Грамматикѣ, нежели къ Риторикѣ. Она состоить въ совершенномъ согласіи между выраженіемъ и мыслию, для которой выраженіе служитъ оппечаткомъ, или одеждой. Правильность заключаетъ въ себѣ *чистоту* выраженій, которая пребуешь, чтобы мы, изображая нашу мысль, осперегались опъ всѣхъ словъ и оборотовъ, чуждыхъ нашему языку. Оба сіи свойства хошя

не могутъ бытъ главною цѣлію Автора, но онѣ необходимы для хорошаго слога.

§ 8. Поелику языкъ есть единственное средство для изображенія нашихъ мыслей и чувствованія, по каждый Писатель прежде всего долженъ обратить все вниманіе на его свойства, его устройство, богатство, образованность. Кромѣ *аналогіи*, или постоянныхъ измѣненій языка, онъ долженъ смотрѣть на *употребленіе* онаго, ошъ котораго зависишь связь извѣстныхъ звуковъ съ понятіями, соединеніе словъ и строеніе оборотовъ.

Всѣ правила Грамматическія первоначально извлечены изъ употребленія языка. И шакъ смыслъ, въ которомъ принимается каждое слово, оборотъ и составъ рѣчи должны непременно сообразоваться съ общимъ употребленіемъ, если только сіе послѣднее не прошивно лучшимъ классическимъ Авторамъ, генію языка и духу настоящаго вѣка.

§ 9. Во всякомъ языкѣ встрѣчаются *синонимы*, или слова однозначущія. Впрочемъ сіи слова никогда не значашь совершенно одного и того же смысла :

онъ разняшся иногда съ степенью благо-родства; иногда своею опредѣленно-стью, или границами значенія. Свобода, свойственная употребленію, позволяешь ихъ часто съ излишествомъ: тогда самое употребленіе становится подозрительнымъ, и Авторъ прибѣгаетъ къ Грамматикѣ; выборъ его зависитъ отъ произведенія словъ, Синтаксиса и гармоніи слога. Сверхъ того при употребленіи синонимъ и оборотовъ смотрѣть надобно не только на то, чтобы въ рѣчи не было никакой павшологіи (пождесловія), но чтобы она имѣла надлежащую разнообразность, силу, живость, и сооществовала цѣли Автора.

§ 10. Мы замѣшимъ при главныхъ погрѣшности противъ чистоты и правильности языка. — Первая состоитъ въ употребленіи такихъ словъ, копоры необыкновенны, ш. е. или слишкомъ странны, или слишкомъ новы, или образованы несвойственно генію языка: это называютъ *барбаризмомъ*. — Вторая погрѣшность состоитъ въ несохраненіи правилъ Синтаксиса, и чрезъ то теряется смыслъ и порядокъ словъ: это называютъ *солецизмомъ*. —

Третья, когда употребляютъ слова и обороты не въ томъ значеніи и смыслѣ, которыя собственно имъ принадлежатъ; сему пороку прошиволагается *точность выраженій*. Сюда же относятся *идіотизмъ* и *провинциализмъ*, когда мы употребляемъ слова и обороты въ такомъ значеніи, которое, не будучи всеобщимъ, свойственно только какой-нибудь провинціи, или какому-нибудь особенному нарѣчію. Употребленіе словъ, взятыхъ изъ чужаго языка, называется или *Грецизмомъ*, или *Латинизмомъ*, *Галлицизмомъ* и проч.

§ 11. Самое существенное свойство слова есть ясность. Съ какимъ бы намѣреніемъ Авторъ ни писалъ, какіе бы ни были виды его сочиненія, всегда онъ долженъ такъ выражаться, чтобы его понимали; въ противномъ случаѣ всѣ труды его потеряны. Здѣсь Писателю одна Грамматическая исправность не поможетъ; чтобы доставить сочиненію надлежащую степень ясности, надобно избѣгать всѣхъ погрѣшностей, для нее вредныхъ. Онъ суть: темнота, двоясмысліе и сбивчивость. Причиною сихъ погрѣшностей часто

бываетъ излишнее стараніе быть исправнымъ: — слабость, отъ копорой не могли избѣгнуть многіе превосходнѣйшіе Писатели!

§ 12. Темнота спила происходитъ или отъ недостапка и неполноты выраженій, или отъ неправильнаго расположенія словъ, которое нарушаетъ связь между мыслями, или отъ неоднобразнаго и одинаковаго употребленія словъ, въ одномъ и томъ же періодѣ принимающихъ различныя значенія, или наконецъ отъ излишняго изобилія мѣстоименій и особой охоты устроить періоды. Такія же слѣдствія производитъ привязанность къ малоизвѣстнымъ учебнымъ и художественнымъ терминамъ, и къ продолжительнымъ періодамъ. Желаніе быть краткимъ и глубокимъ, даже и при сохраненіи прочихъ достоинствъ спила, можетъ произвести темноту.

§ 13. Оборотъ рѣчи становится двусмысленнымъ, когда можно расположить его не въ одну, но въ двѣ и три стороны. Двусмысленность бываетъ или въ словахъ, или въ расположеніи цѣлаго періода. Первый случай встрѣчается особенно въ шѣхъ языкахъ,

которыя не получили еще надлежащей определенности. Искусный Писатель съ слова, которыя имѣють сомнительное значеніе, употребляетъ шамъ шолько, гдѣ мѣсто и связь выражений дѣлають смыслъ совершенно яснымъ. Гораздо труднѣе избѣгать двусмыслія въ сочиненіи словъ; поелику лучшіе обороты рѣчи, находясь въ періодической связи одни съ другими, могутъ бытъ расположены не однимъ, но разными способами и всегда производящъ сбивчивость, какъ скоро чиститель не проникъ намѣренія Авшора. Чрезъ рачительное сохраненіе знаковъ препинанія можно избѣгать сей погрѣшности.

§ 14. *Сбивчивость* въ слогѣ есть совершенный недоспашокъ смысла и ясности. Сей порокъ, будучи самымъ вреднымъ, часло встрѣчается въ отличнѣйшихъ Писателяхъ. Онъ происходитъ отъ темноты и замѣшательства въ мысляхъ, которыя не обдуманы и не расположены, какъ должно, въ головѣ нашей. Чиститель съ величайшимъ трудомъ долженъ опгадывать ихъ ходъ, связь и взаимныя отношенія, а часло и совсѣмъ ничего не ви-

В

дѣшъ. То же самое производить спрѣшъ къ новымъ украшеніямъ, когда мы, гонясь за фигурными выраженіями, выбираемъ такія слова, кошорыя имѣють ошдаленное, или сльшкомъ скрышое ошнршеніе. Я не говорю о послѣднемъ испочникѣ всякаго безсмысла. Эшо совершенная шупосшь или разсъянность Писателя, кошорый совсѣмъ не думаетъ о шомъ, что говоритъ, или пишеть.

§ 15. *Соответственность* сшала заключаешъ въ соблюденіи ошнршеній между словами и оборотами, и между шономъ цѣлаго сочиненія. Все сіе при шомъ должно бышь приспособлено къ особенному намѣренію шого, кшо говоритъ или пишеть. И шакъ всегда наблюдашь должно: а) одно шолько шо, что упошребительнр въ обществѣ или свойспвенно языку; б) что прилично предмету и цѣли; с) натуральное и прршое; д) надлежащую опредѣлительность выраженій, ошносительнр къ нимъ самимъ и къ мыслямъ, кошорыя Авторъ посредствомъ ихъ объясняетъ. Сохраненіе всѣхъ сйхъ свойспвъ можно назватъ однимъ словомъ *точностію*. Она избѣгаетъ всего излишня-

го и распянушаго, наблюдая вездѣ благоразумную *краткость*.

§ 16. Ко всеобщимъ качествамъ хорошаго слога принадлежишь также его *достоинство* или *благородство*. Надобно спарашься присвоишь себѣ навсегда мысли и чувствованія людей образованныхъ, имѣющихъ здравый вкусъ. Все неблагоприспойное, низкое, неприличное, такъ какъ и пуспая напыщенность и высокопарность, оскорбляешь нѣжностью чашапеля.

§ 17. *Живость* слога зависишь частію ошъ его ясности и почности, частію ошъ живости воображенія и чувствованій. Она происходишь ошъ совершеннаго согласія между означающимъ и означаемымъ, между словами и идеями. И такъ выборъ словъ, ихъ расположеніе и ихъ благозвучность наиболѣе производяшь сію живость. Лучшіе Авторы не шолько смотряшь на слова, копорыя они упопреляють, но и на звуки, изъ копорыхъ сіи слова соспояшь. Они спараютьса самымъ шономъ слоговъ выражашъ предметъ, особливо если сей предметъ подверженъ чувству слуха.

В 2

§ 18. Слова могутъ быть или собственныя, или несобственныя. Въ разсужденіи собственныхъ выраженій ничто такъ не способствуетъ живописи слога, какъ ихъ точность и определенность, относително къ мыслямъ и намѣренію Автора; при чемъ должно избирать не всеобщія или обыкновенныя, но, сколько возможно, особенныя и одному только настоящему предмету приличныя выраженія; такимъ образомъ слогъ становится болѣе и болѣе живописнымъ въ самой простотѣ и краткости своей.

§ 19. Особенное вниманіе должно усмрелять на употребленіе несобственныхъ или фигурныхъ выраженій, которыя служатъ не только для украшенія и блеска рѣчи, но и для большаго объясненія предмета, ими изображаемаго. Ихъ стараются изобрѣсти съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы придашь слову болѣе живости, т. е. дѣйствовать на всѣ умственные силы нашей души, особливо на воображеніе и чувство. И такъ при выборѣ фигуръ замѣчать должно тѣ образы или измѣненія, которыя заключающъ въ себѣ болѣе живописи или разительности.

Главные выгоды, получаемыя опъ фигуръ, суть слѣдующія: обогащеніе языка, его достоинство и сила, пріятное занятіе для воображенія и остроумія, и наконецъ живость и разительная ясность мыслей.

§ 20. Обыкновенно раздѣляютъ фигуры на два рода: на *обороты словъ* и на *обороты предложений*. Первые касаются до однихъ словъ, и состоятъ въ переносѣ собственнаго значенія въ ближайшее несобственное; другіе относясь къ цѣлымъ періодамъ, и зависятъ опъ измѣненія хода чувствъ и мыслей. Сіе раздѣленіе весьма неопредѣленно и недоспашочно, ибо кто можетъ исчислить всѣ переменныя движенія души и сердца? Поелику всѣ фигуры дѣйствуютъ или на умъ, или на воображеніе, и на чувство: по мы раздѣлимъ ихъ на три главные класса, и скажемъ о важнѣйшихъ въ каждомъ классѣ:

§ 21. Хотя остроуміе и проницательность, принадлежатъ собственно къ вышшимъ силамъ ума, однако онѣ оказываются и въ Изыщныхъ Наукахъ; первое сравниваетъ, другая описываетъ самыя тонкія опшѣнки чувственныхъ предметовъ. Какъ вспомо-

гашельное средство къ возбужденію вниманія и къ удержанію его , полезно между фигурами особенно *сравненіе*, копорое два предмета, по ихъ ближайшему сходству, ставишь вмѣстѣ, дабы одинъ изъ нихъ, или оба сдѣлашь прелестнѣе и прогашельнѣе. Сравненіе пошличается отъ *примѣра* и *подобія* тѣмъ, что онъ дѣйствующъ болѣе на воображеніе и разумокъ, и всеобщія истины, посредствомъ нѣкопрыхъ случаевъ, особенныхъ и извѣстныхъ, представляющъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ и большей силѣ. Сюда принадлежишь *противоположеніе* или *антитезъ*, когда двѣ противныя другъ другу вещи, или понятія сближаются, чшобы сморѣшь на нихъ съ одной точки зрѣнія.

§ 22. Ко второму классу фигуръ, копорыхъ дѣйствіе просширается на силу воображенія, принадлежатъ такъ называемыя *тропы*, или такія фигуры, въ копорыхъ вмѣсто понятія, собственно соединяемаго съ какимъ-нибудь словомъ, упошребляется другой ближайшее понятіе, дабы доспавишь предмету болѣе живости и привлекашельности. Сія привлекашельность,

заклученная въ удовольствіи сравненія, въ разнообразіи и новости, есть безъ сомнѣнія главное достоинство проповѣ, копорыхъ начало надобно искать въ природѣ и посшепенномъ распространеніи человѣческихъ познаній, въ силѣ воображенія и даже въ недостаткахъ языка. При изобрѣшеніи проповѣ наблюдать должно правильное и ближайшее отношеніе между сравниваемыми понятіями, хотя бы оно было очевидно или скрышно, и состояло въ подобіи или прошивоположеніи. Каждый языкъ, въ разсужденіи проповѣ, имѣетъ собственной способъ употребленія, и ошъ шого часто случается, что проповѣ одного языка не лзя перевести шѣми же шропами на другой языкъ.

§ 23. Къ самымъ употребительнымъ и прекраснѣйшимъ шропамъ принадлежитъ *метафора*, кошорая, вмѣсто одного, не шоль живаго, не шоль пріятнаго значенія, присвоиваетъ слову другое, болѣе живописное и пріятное. Она основывается на сходствѣ, и производитъ образъ. Сіе значеніе не поставляется въ сравненіи съ шѣмъ понятіемъ, кошорое оно живописуетъ, но дѣйствительно и не-

посредственно занимаешь его мѣсто. Метяфора заключается не только въ одномъ, но и во многихъ словахъ, чрезъ что бываетъ гораздо живописнѣе. При ея помощи не только всеобщія и ошвлеченныя понятія, но и самыя чувственныя предметы принимаютъ новой видъ. Она должна имѣть шакъ какъ и всѣ пропы, надлежащую степень вѣроятности и разительнаго сходства, сообразно съ правилами фигурнаго языка. Лучше заимствовать ея всегда ошъ предметовъ извѣстныхъ; она должна быть опредѣленна, полна, благоприлична, нова, непрощивна вкусу. Главное свойство сей фигуры есть безъ сомнѣнія единство, которое состоитъ въ томъ, чтобы не смѣшивашъ разнородныхъ образовъ между собою, и не соединяшъ вмѣстѣ выражений собственныхъ съ несобственными. Метяфора, продолженная и многими одного рода изображеніями украшенная, называется *аллегоріею*, которая должна ошличаться ясностію и почностію подобія во всѣхъ подробностяхъ сравниваемыхъ понятій.

§ 24. Другіе пропы основываются не только на сходствѣ, сколько

на содержаніи и отношеніи между предметами, изъ которыхъ одинъ спавишся на мѣсто другаго. Сюда принадлежишь *метонимія*, которая, замѣшивъ *наружныя*, необходимыя, или случайныя отношенія двухъ понятій, упошребляешь одно вмѣсто другаго. Сія отношенія суть: причина и дѣйствіе, предыдущее и послѣдующее, начало и произведеніе, орудіе и шо, что имъ сдѣлано, знаки и шо, что, ими означаешся, мѣсто и шо, что въ немъ находишся, время и все, что можешь случишся въ продолженіе онаго. *Симендоха* напрошивъ шого имѣешь основаніе свое на *внутреннемъ* содержаніи предметовъ, и заключаешся въ большемъ или меньшемъ пространствѣ значенія слова. Она полагаешъ частъ вмѣсто цѣлаго, родъ вмѣсто вида, видъ вмѣсто нераздѣлимаго, и обратню. При упошребленіи обѣихъ фигуръ наблюдашь надобно шо же, что сказано о *метафорѣ*, ш. в. благоприличіе и вкусъ.

§ 25. Къ фигурамъ, дѣйствующимъ на воображеніе, принадлежишь еще *апострофа*, или обращеніе говорящаго лица къ предметамъ, ошсуществующимъ и неодушевленнымъ, шакъ какъ

бы они были 'передъ нами и имѣли жизнь. Употребленіе сей фигуры предполагаетъ всегда въ чашапель или слушапель особливую силу воображенія и спрасшей; она никогда не можеть быть продолжительна. Еще болѣе дѣйствуюеть на воображеніе *прозопопея*, или одушевленіе, когда мы безчувственному предмету сообщаемъ жизнь, разсудокъ, дѣйствіе и чувство, и въ то же самое время, посредствомъ апоспрофы, обращаемъ къ нему слово или представляемъ его самого дѣйствующимъ, слушающимъ, или говорящимъ. Во всѣхъ Риторикахъ найдемъ мы весьма много оборотовъ, относящихся болѣе или менѣе къ симъ фигурамъ; но всегда мѣра и продолжительность ихъ зависить отъ мѣры, до которой распротоано воображеніе и воспламенены чувства.

§ 26. Изъ фигуръ прешьяго рода, которыхъ служатъ къ возбужденію или утолненію спрасшей, и доставляютъ сочиненіямъ какую-то особенную привлекательность, значнѣйшія суть пѣ, кои дѣйствуютъ посредствомъ новаго и необыкновеннаго. — Таковы *анафора*, *эпифора*, или частое въ концѣ или началѣ предложеній повтореніе

однѣхъ и ^упѣхъ же понятій и выраженій, для того чтобы сдѣлать ихъ замѣнѣ и сильнѣе. Подобное вліяніе на рѣчь производитъ *измѣненіе*, или такой оборотъ рѣчи, въ которомъ опускается она отъ обыкновеннаго порядка, или выпускается нѣкоторыя нужныя связи и слова. Очень много родовъ и сей фигуры. Они извѣстны въ Риторикахъ. — Упомянемъ еще *посепенность* или *восхожденіе*, въ которомъ слова и понятія поспешенно получаютъ большую силу; достоинство и разительность, такъ что вмѣстѣ съ ними возвышается чувство читателя или слушателя.

§ 27. Мы прежде видѣли, что душа получаетъ пріятныя впечатлѣнія не только отъ сходства предметовъ, но и отъ противоположенія; на семъ имѣетъ основанія *иронія*, забавный оборотъ рѣчи, въ которомъ всегда разумѣется противное тому, что означаетъ собственная смыслъ выраженій. Сюда же принадлежатъ *эпифора*, въ которой, подобно ей страстную и намѣреніемъ Авшора, предметы или увеличиваются, или уменьшаются болѣе обыкновенной мѣры.

§ 28. Хотя, по видимому, усмотрение фигуръ и проповъ есть искусственное; однако онѣ не искусству обязаны своимъ началомъ. Ихъ происхождение заключено во врожденномъ ума человеческого стремленіи живописать предметы, подверженные чувствамъ, и сверхъ того въ недоспашкѣ словъ, кошорой по необходимости долженъ былъ вспрѣшнись въ первобытныхъ языкахъ. Большая часть фигуръ и проповъ равно принадлежишь всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ. Мы уже прежде намекнули о ихъ пользѣ: онѣ обращаютъ вниманіе читателя на важнѣйшія обстоятельство предметовъ; онѣ самымъ ошвлеченнымъ понятіямъ доспавляютъ нѣкошорую степень чувствительности, дѣлающъ ихъ пріятнѣе и занимательнѣе, оживляющъ вещи неодушевленные, и самымъ одушевленнымъ всегда придающъ болѣе жизни и прелести. Употребленіе фигуръ должно быть умеренно, весьма ошпорожно и сообразно съ цѣлю Авшора; оно зависитъ отъ его характера, отъ существа описываемыхъ предметовъ. Болѣе всего надобно избѣгать роскоши въ украшеніяхъ.

§ 29. Красота или изящество сочинений состоит особенно в правильности и соразмерности наружных форм слога. Здесь разумеется расположение и сочинение словъ. Криштики обыкновенно различаютъ *естественной* порядокъ словъ, которой слѣдуетъ вѣрно и точно за порядкомъ мыслей, опъ *Грамматическаго* порядка выражений, которой весьма рѣдко соображается съ первымъ, и во всѣхъ языкахъ имѣетъ свои собственные правила. Принявъ сие за основаніе, должно положить, что тѣ языки гораздо совершеннѣе, которые не ограничиваются однимъ оборотомъ рѣчи, но имѣютъ многіе различные, которые, согласно стремленію и спросу говорящаго, изменяются непрерывно въ ходѣ, въ расположеніи и связяхъ. Это можно почесть особливимъ преимуществомъ языковъ Греческаго, Римскаго и Славянскаго, которыхъ геній позволяетъ себѣ многіе обороты и перемѣны; изъ новѣйшихъ языковъ Россійской и Нѣмецкой особенно ими богаты.

§ 30. Красота слога заключается не въ одномъ только расположеніи словъ, но и въ расположеніи цѣлаго

сочиненія, въ правильной и послѣдова-
 тельной связи частей, его составляю-
 щихъ. Здѣсь прежде всего представля-
 ются вниманію нашему просныя *пред-*
ложенія и періоды, изъ нихъ состав-
 ленные. Въ первыхъ наблюдашь долж-
 но мѣсто и порядокъ каждаго слова;
 въ другихъ мѣсто и порядокъ каждаго
 предложенія, которыя, будучи распо-
 ложены въ надлежащей связи, и усп-
 ремлены къ извѣстной цѣли, состав-
 ляють полной смыслъ. Особенный ха-
 рактеръ періодовъ состоитъ въ томъ,
 что, читая его, нельзя остановиться
 до тѣхъ поръ, пока совсемъ его окон-
 чишь, и потому они сравниваются съ
 оборотомъ или кругомъ. — Въ отно-
 шеніи къ симъ двумъ родамъ рѣчи, са-
 мый слогъ бываетъ или отрывистый,
 или періодическій.

§ 31. *Отрывистый* слогъ состо-
 итъ или изъ *простыхъ*, отдѣльныхъ,
 независимыхъ другъ отъ друга пред-
 ложеній, которыя имѣють подлежащее
 и сказуемое, или изъ *сложныхъ* пред-
 ложеній, которыя имѣють свои от-
 дѣльные члены, заключающіе въ себѣ
 особенной полной смыслъ. Отрыви-
 стый слогъ обыкновенно употребляетъ

ся въ разговорахъ, въ изображеніи сильныхъ спрасей и въ крапкихъ повѣсняхъ. Онъ придаетъ мыслямъ и выраженію особливую быспрому и живость. Въ большихъ сочиненіяхъ надобно, чѣшобъ сей слогъ былъ перемѣшанъ съ періодическимъ; въ прошивномъ случаѣ онъ легко можешъ упомячь чипашеля, и бышь совершенно прошивнымъ здравому вкусу, особливо если къ шому присоединишь суешное желаніе Автора блиспащъ безпреспанными прошивоположеніями, сошвъшшвіями, напшанушою соразмѣрностію и другими мѣлкими украшеніями.

§ 32. Слогъ *періодической* имѣешъ болѣе полношы и пространства; онъ обнимаешъ предметъ со всѣхъ споронъ, и всѣ силы, раздѣленные въ опривиспомъ слогъ между многими членами, соединяешъ въ одну шочку; онъ придаетъ рѣчи болѣе достоинства и выразительности. Надобно, чѣшобъ главные часши, сосшавляющія періодъ, были на своемъ мѣстѣ, не слишкомъ распрошранены, не смѣшаны: ясной порядокъ и очевидное ошношеніе между часшиями сосшавляющъ главную красощу періода; сверхъ шого члены его

должны быть расположены въ нѣкоторой соразмѣрности, т. е. имѣть надлежащее соотношеніе въ своей продолжительности и въ своихъ формахъ. Такъ называемыя всплывочныя предложенія зашумляютъ смыслъ; и потому лучшіе Писатели не стараются съ излишкомъ наполнять ими свои періоды. Характеръ Алшора и мѣра его чувствованій, сущность и важность предмета, имъ описываемаго, однѣ могутъ опредѣлить мѣсто для слога періодическаго и описательскаго.

§ 33. Въ періодъ всегда находящійся переходъ отъ подлежащаго къ сказуемому, которое присвоивается первому или отрицается. Сей переходъ отъ одной главной мысли къ другой заключаетъ въ себѣ или причину, или условіе, или опредѣленность времени, или сравненіе. Въ части періода называются *предыдущимъ* и *послѣдующимъ*. При соединеніи предыдущаго съ послѣдующимъ употребляются извѣстные слова или частицы рѣчи, на примѣръ, въ доказательствѣ: *поелику — то*; въ условіи: *если — то*; въ изъясненіи послѣдованія: *когда — тогда*; въ уступкѣ: *хотя — однако*, или *но — и* прочее.

§ 34. Существенныя качества красиваго періода суть ясность и точность въ донціяхъ и выраженіяхъ; а сіе предполагаетъ хорошій выборъ, порядокъ и расположеніе. — *Единство* періода пребуешь, чшобъ всъ его части сообщавали одно цѣлое, чшобы между ими сохранено было очевидное соотношеніе, и чшобы всъ онѣ наконецъ имѣли одну главную цѣль и надлежащую полношу. *Сила* и выразительность періода зависишь ошъ того, чшобы мы избѣгали всего излишняго въ мысляхъ и выраженіяхъ, имѣли предъ собою всегда главный предметъ, наблюдали пріятную поспешность между всѣми членами, и сохраняя вѣрную связь, дославили періоду сверхъ того всъ прелести и благозвучіе.

§ 35. *Благозвучность* рѣчи можешъ бышь двухъ родовъ: одна заключаешся въ звукахъ слоговъ и рѣчей, другая въ цѣлыхъ предложеніяхъ и періодахъ. Первая сосшощъ въ томъ, чшобы слова въ самыхъ шонахъ своихъ сослаивали ошголосокъ мыслей, и имѣли нѣкоторое сходство съ предметами, которые они предшавляютъ. Это ошносися къ вещамъ, подвер-

Г

женнымъ чувству слуха. Сюда же принадлежатъ движенія слога, его случайныя измѣненія, легкость или важность, быспроша или медленность; все это можешь быть выражено ходомъ рѣчи, искусственнымъ соединеніемъ словъ и самыхъ слоговъ. Труды и щипательность Автора въ семь случаевъ не всегда помогаютъ; живость чувствованій можешь непримѣнно сообщать слогу всѣ измѣненія, сокрытыя во глубинѣ души нашей.

§ 36. Чшобъ доставить рѣчи всю возможную пріятность звуковъ, надбно избѣгать слоговъ жесткихъ и тяжелыхъ, сколько это позволишь языкъ. Ничто шакъ не оскорбляетъ слуха, какъ продолжительное послѣдованіе словъ односложныхъ, или безпрестанное употребленіе слишкомъ многосложныхъ и тяжелыхъ. Сюда принадлежатъ *монотонія* и *упомительное* для слуха спеченіе гласныхъ или согласныхъ.

§ 37. Другой родъ благозвучности или гармоніи гораздо важнѣе перваго. Онъ состоитъ въ соразмерномъ спроеніи предложений и періодовъ, въ искусственномъ расположеніи вставокъ

и окончательныхъ предложеній , въ пріятности и въ полнотѣ членовъ періода. Это называется *Ораторскимъ размѣромъ*. — Хотя проза не можешь имѣть такой определенной соразмѣрности въ слогахъ , и сшоль гармоническаго-порядка въ предложеніяхъ , какъ Поэзія ; однако она получаетъ гораздо большую выразительность и силу ошъ стройнаго , исполненнаго взаимныхъ соотношеній , расположенія словъ и цѣлыхъ періодовъ , котороѣ производить пріятное впечатлѣніе въ слухъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ врожденное чувство къ изящному и здоровой вкусъ гораздо болѣе могутъ помочь , нежели всѣ теоретическія правила , хотя сіи послѣднія , будучи соединены съ изученіемъ образцовъ , необходимы для всякаго , кто хочетъ достигнуть совершенства въ слогѣ.

§ 38. Навыкъ и отличное искусство чашать сочиненія весьма много способствуетъ пріобрѣтенію гармоническаго слога. Молодые любители Словесности не должны пренебрегать сими искусствомъ , котороѣ , кромѣ сказанной нами очевидной пользы , составляетъ удовольствіе образованнаго

общества. Нѣтъ ничего несноснѣе чтеца, который не умѣетъ сохранить силы сочиненія, иногда ослабляетъ его, иногда выражаетъ совершенно противоположнымъ его видамъ и шону. Кроме яснаго, чистаго и гибкаго выговора, въ хорошемъ чтеніи необходимо правильное наблюденіе слоудареній, быспрошы или медленности слоговъ, остановокъ на знакахъ и при вслывочныхъ предложеніяхъ, въ ихъ различной соразмѣрности, и наконецъ щасливое образование голоса. При семъ случаѣ надобно смотрѣть на характеръ сочиненія: ибо всѣ роды Словесности, относясь къ существеннымъ своимъ опличіямъ, пребываютъ или легкаго и смѣлаго, или робкаго, или историческаго, или безпрестанно измѣняемаго разговорнаго, или наконецъ величественнаго и спрасшнаго Орашорскаго произношенія.

Правила о сочиненіи писемъ.

§ 1. Письмо есть не что иное, какъ письменная рѣчь одного лица къ другому ошсущствующему; оно замѣняетъ недоспашокъ словесной рѣчи, которую можно бы было обративъ къ сему лицу, когда бы оно было въ присутствіи. И такъ переписка есть письменный разговоръ между ошсущствующими лицами. Всѣ правила для писемъ основываются на языкѣ и тонѣ словеснаго обращенія въ различныхъ обстоятельствѣхъ и случаяхъ жизни.

§ 2. Существенное свойство хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и безыскусственное изъясненіе нашихъ мыслей. И такъ письма вообще болѣе, нежели другой какой родъ прозаическихъ сочиненій, принадлежатъ къ простому народному языку. Способность писать хорошо письма пріобрѣтается рачительнымъ наблюденіемъ и почнымъ подражаніемъ языка общественнаго, употребляемаго въ образованномъ обращеніи. Письма измѣняютъ свой тонъ, сообразно на-

мѣренію и содержанію оныхъ, сообразно соспоянію нашихъ чувствованій, характеру и званію пѣхъ лицъ, къ копорымъ мы пишемъ, и отношенію, какое между нами находицца. Все это производиць безчисленное множество различій въ языкѣ и въ расположеніи письменномъ.

§ 3. Поелику письменное изъясненіе нашихъ мыслей предполагаеть болѣе труда, болѣе размышленія, нежели словесное: то письма не во всемъ должны слѣдовать совершенно языку разговорному. Онѣ избѣгають слишкомъ обыкновеннаго, небрежнаго, отъ частаго употребленія соспарвшагося образа выражашься. Въ просныхъ разговорахъ проспительны такіе обороты; но въ письмахъ, копоры читаюцца съ большимъ вниманіемъ, нежели рѣчь, въ минушу родящаяся и исчезающая, перпѣшь ихъ не можно. Мы сказали, что письма должны быць писаны легкимъ и еспешивнымъ слогомъ; слѣдовательно ясность и точность соспавляюць ихъ главное достоинство.

§ 4. Этаго требуеть цѣль ихъ, копора соспояшь въ томъ, чтоць сообщать другимъ свои мысли и чув-

спивованія въ надлежащей связи и порядкѣ. Наши мысли и предспавленія должны соотвѣтствовать предметамъ, о которыхъ идетъ рѣчь; наши слова и образъ выраженія должны быть согласны съ нашими мыслями и чувствами. Одинъ, тонкой вкусъ, образованный въ лучшихъ обществѣхъ, можешь сохранить въ себѣ приличія.

§ 5. Содержаніе писемъ сполько же многообразно, спколько многообразно можеть быть намѣреніе и отношеніе между лицами, имѣющими переписку. Иногда мы уведомляемъ другаго о какомъ-нибудь случаѣ или обстоятельстве спива; иногда изъявляемъ ему свои желанія или совѣты; иногда предметомъ писемъ бываетъ просьба сполько учтивости. Часпо ведемъ переписку по званію (своему или должностному), по родственничьимъ и дружескимъ связямъ. Часпо письма касаются гораздо важнѣйшихъ предметовъ: онѣ заключаютъ въ себѣ изысканія историческія, или ученныя разсужденія о наукахъ и искусствахъ; сухая, ошвлеченная метода Логики получаешь чрезъ то болѣе живости и припшности.

§ 6. Сколь многообразно содержание писемъ, столь многообразны и правила пишашъ ихъ. Заключаютъ ли онѣ просной расказъ: тогда пребудутъ точности, порядка, краткости и полноты; соспоитъ ли онѣ въ вросьбѣ, въ убѣжденіи, въ оправданіи: тогда образъ выраженія нашего и способъ доказательствъ долженъ бытъ силенъ и прогашеленъ; заключаютъ ли онѣ учтивость: тогда должны онѣ опличашься, соопвѣстивенно нашему званию и опмошеніямъ, благородствомъ, скромностию и выразительностию. Въ письмахъ, опносящихся къ должности нашей, пребудетъ особенная основательность (въ мысляхъ, въ ррности и исправности въ выраженіяхъ. Изъясненіе друзей дышетъ взаимною доверенностию, проспошою и сладкими чувствованіями сердца, преданныхъ другъ другу. Въ письмахъ ученыхъ должно удаляться, околько возможно, сухости и единообразія.

§ 7. Письма, служащія опвѣдомъ, въ содержаніи и одеждѣ своей по большой части сообразуются съ пѣми, на которыя опвѣчаемъ. При семъ случаѣ, шакъ какъ въ изуспныхъ разговорахъ,

вопросъ и тонъ вопрошающаго опредѣляютъ и образъ отвѣта. — Впрочемъ никогда не надобно забывашь отношеній между переписывающимися особами, особливо въ разсужденіи званія и чина; сверхъ того должно наблюдать, чшобъ не былъ оставленъ безъ вниманія ни одинъ пунктъ изъ письма вопрошающихъ; чшобъ отвѣтъ располагаемъ былъ точно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сдѣланъ вопросъ, если только это не будетъ прошивно естественной связи мыслей и обыкновенному ходу историческаго повѣствованія.

§ 8. Письма, въ которыхъ дышатъ особливья чувства или спрасъ, или которыя касаются предметовъ, ближайшихъ къ нашему сердцу, пребуотъ обыкновенно гораздо меньшаго труда, нежели тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ одну холодную учтивость, или отношенія къ обстоятельствомъ общественной жизни. Главное отличіе сихъ писемъ есть легкость и простота. Сердце, упоенное чувствованіемъ, управляетъ перомъ нашимъ; выраженія и обороты словъ будутъ свободнѣе и правильнѣе, чѣмъ живѣе наша спрасъ, чѣмъ быстрѣ чувство. Напрощивъ по-

Д

го въ письмахъ учпивыхъ и полишическихъ мы по большей часни прину-
ждены бываемъ недоспашокъ и сухоспъ
содержанія замѣнять понкоспю , или
новоспю обороповъ и выражений. Иног-
да матерія письма бываетъ шакъ мало-
значаща , что шребуешся со спороны
слога , всего благородства и достоин-
ства, кошорого она сама не имѣеть. —
Это искусство пріобрѣтается большою
опытноспю и знаніемъ своего языка.

§ 9. Письма , въ кошорыхъ господ-
спвуетъ шушка , оспроуміе , веселоспъ
или довѣренноспъ , предполагають въ
душѣ Писателя всѣ сіи свойства преж-
де , нежели онѣ выльются на бумагу; онѣ
производящъ по необходимости понъ
шушочной , или оспроумной , веселой ,
или довѣрчивой. — Для сего нѣтъ ни-
какихъ особенныхъ правилъ ; ибо сіи
правила гораздо легче чувспвовашъ , не-
жели изъяснить. Нѣтъ ничего неснос-
нѣ письма , кошорое наполнено шушка-
ми выисканными , оспрошами слишкомъ
учеными , спранными или дѣшскими ,
веселоспю пришворною и скучною ,
ошкровенноспю болшливою и ушоми-
пельною.

§ 10. Хорошее письмо пребудетъ конечно предварительнаго размышленія, порядка и точности въ словахъ; но оно удаляется всѣхъ искусственныхъ плановъ, свойственныхъ учебнымъ книгамъ, мучительной школьной мѣтоды, расположенія по правиламъ хриі, вступленія, предисловія, доводовъ, заключеній и проч. . . . Довольно для Авшора письма, если предметъ и намѣреніе его хорошо обдуманно, и предшавлены съ надлежащею живостію и ясностію; довольно, если всѣ части имѣють другъ къ другу видимое отношеніе. Правила для сего расположенія безчисленны и неопредѣленны; но всѣ зависящъ ошъ намѣренія того, кошорой пишешъ, и ошъ сущности матеріи, сосшавляющей содержаніе письма.

§ 11. Есть извѣстныя формы или образы привѣщствія, употребляемыя въ началѣ, въ концѣ, а иногда и въ срединѣ письма, копорыя, будучи уродливыми дѣшми Моды, общепринятою учшвостію обращенія, сдѣлались необходимыми, сколь мало онѣ ни сошвѣшвуютъ натуральному ходу слога. Надобно надѣшсья, что со временемъ письма будутъ свободны ошъ сихъ

оковъ, и замѣняшся другими выраженіями учтивости, болѣе сообразными съ достоинствомъ и легкостію щонкаго просвѣщеннаго обхожденія. — Между шѣмъ попребно знашь упопребленіе и нынѣшнихъ шишуловъ. Общее мнѣніе, общій способъ выражашся непремѣнно долженъ бышь закономъ для всякаго.

§ 12. Въ образованію хорошаго письменнаго слога въ особливости служилъ чшеніе лучшихъ древнихъ и новыхъ Писателей. Между древними Писателями опличились въ семь родъ *Фаларисъ* и *Либаніусъ*; изъ Римлянъ писали лучшія письма *Цицеронъ*, младшій *Плиній* и *Сенека*. Послѣдній заслуживаетъ вниманіе болѣе по содержанию писемъ, нежели по слогу.

§ 13. Собранія писемъ на Италіанскомъ языкѣ весьма многочисленны; но рѣдкія изъ нихъ могутъ бышь образцами въ натуральномъ и легкомъ слогу. Большая часть изъ нихъ наполнена излишнимъ щегольствомъ въ украшеніи; повсюду встрѣчаемъ оспроуміе нашанушное, видимой подборъ замысловатыхъ выраженій и ушомишельную ученость. Изъ сего числа заслуживаютъ исклю-

ченіе письма *Аннибала - Каро*, *Бернарда - Тасса* и *Графа Гоци*.

§ 14. Никшо сполько не опличилися въ искусствѣ писашь письма, какъ Французы. Слогъ живой и легкой, нѣжность чувствованій и выраженій составляютъ особенныя чершы ихъ писемъ; вообще похваляюща письма *Маркизы Севинье* къ ея дочери и многія другія.

§ 15. Письма нѣкоторыхъ славныхъ Англичанъ опличающа какъ по назидательному своему содержанию, такъ и по красотѣ слога; я упомяну здѣсь *Свифта*, *Попа*, *Грея* и ихъ друзей. Сюда принадлежишь великое множество вымышленныхъ и, по большой части, превосходно написанныхъ писемъ, которыя Англичане, такъ какъ и Французы, весьма любяшь.

§ 16. Нѣмцы весьма поздно начали писашь письма со вкусомъ; попому что они слишкомъ привязаны къ обрядамъ церемоніала и къ школьной мешодѣ. Съ удовольствіемъ и пользою можно читашь письма *Геллерта*, *Рабенера*, *Глейма* и *Винкельмана*.

III.

О діалогѣхъ или разговорахъ.

§ 1. Діалогъ или разговоръ есть взаимное изъясненіе между двумя, или многими лицами; онъ есть письменное подражаніе разговора словеснаго; о предметахъ важныхъ или занимательныхъ. Цѣль сего рода сочиненій состоитъ въ томъ, чтобъ живѣе показать образъ мыслей разговаривающихъ лицъ; въ хорошемъ разговорѣ вы видите ихъ своими глазами, и характеръ ихъ самъ собою живописуется. Рѣчь разговорная всегда имѣетъ болѣе живости и убѣжденія, нежели повѣствованіе.

§ 2. Разговоръ бываетъ или *драматической*, и заключаешь въ себя *дѣйствіе*, которое имѣетъ начало, средину и конецъ (объ немъ мы скажемъ въ нашей Пимикѣ); или *философской*, котораго предметъ — истина; или просто занимательный и живописующій, имѣющій своею цѣлю прелести остроумія, любопытныя картины Природы и изображеніе чрезвычайныхъ характеровъ.

§ 3. Первое достоинство философскихъ разговоровъ есть важность и богатство содержания. Оно должно быть таково, чтобы всякой испыталъ истину нащелъ въ немъ достойную себя пищу, и чтобы оно достаточно было какъ для завязки, такъ и для развязки. Писатель разговора всегда имѣетъ выгоду предъ Писателемъ обыкновенныхъ философскихъ разсужденій: онъ можетъ показашъ истину изъ разныхъ точекъ зрѣнія, не нарушая единства; онъ открываетъ причины, связь и составъ мыслей съ легкостью и живостью, опровергаетъ предрасудки, разрѣшаетъ сомнѣнія, преодолеваетъ всѣ трудности быстрой, и припомъ съ такою простотою, которая дѣлаетъ его понятнымъ для всѣхъ. Самыя опвлеченныя матеріи могутъ быть объяснены въ видѣ діалога, которой можно назвашъ разговоромъ съ самимъ собою, или послѣдствіемъ рѣчей, принадлежащихъ къ одному предмету. Другое лицо, предполагаемое въ особѣ Авшора, служишь для того, чтобы подашъ случай къ сужденію, или обратишь читателя на главную, или сомнительную точку предмета. Такимъ образомъ каждая рѣчь содержишь въ себѣ или возраженія или

новыя мысли , или наконецъ совершенно уничтожаетъ мнѣніе, утверждаемое въ началѣ разговора.

§ 4. Для лучшихъ успѣховъ въ семъ родѣ сочиненій потребно предварительное, основательное изученіе ихъ испинъ , кошорыя хопимъ доказашъ , и сверхъ того нужно подробное свѣдѣніе о свойствѣ и силахъ душевныхъ , кошорыя , при разсужденіи , имѣють свой особенной ходъ , особенной способъ понимашъ , прилично характеру лица говорящаго. Сей характеръ долженъ бытъ выдержанъ ошъ начала до конца разговора, Прибавьше къ шому искусное расположеніе , натуральной порядокъ , легкой и свободной ходъ разсужденія ; разговоръ дѣлаешся чрезъ шо болѣе вѣрояшнымъ , болѣе занимательнымъ. Въ семъ случаѣ помогаешъ намъ сильнѣе Природа , нежели искусство.

§ 5. Есть разговоры , кошорыя имѣють предметомъ своимъ въ особенности изображеніе характеровъ. Въ такомъ случаѣ Писатель обязанъ сначала , какъ можно почнѣе , опредѣлишь границы сихъ характеровъ ; они должны бытъ опличны не только въ образѣ

разговора, или разказа, но въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ. Если сіи лица взяты изъ Исторіи, то Автору ничего болѣе не оспашеся, какъ слѣдовать свидѣтельствуемъ Историка, или мнѣнію народа, общимъ согласіемъ подтвержденному. Онъ долженъ внимательно замѣчать всѣ опличительныя черты дѣйствующаго лица, состояніе, возрастъ, главное намѣреніе, вкусъ, ему современный, и собственныи образъ его мыслей; опъ эшаго зависить шонъ разговора и самая продолжительность или краткость рѣчей.

§ 6. Опъ положенія, въ которомъ находишь говорящее лице, зависить, по большой части, живость и красота разговора, которой обыкновенно бываетъ шѣмъ прелестнѣе, чѣмъ болѣе шрогашельно его содержаніе; хорошо, когда оно драматическое и заключаешь въ себѣ дѣйствіе. Разговоры спановящся еще прекраснѣе, если лица предшавлены будуть въ противоположеніи. Щасливое обработываніе сего рода сочиненій предполагаетъ всегда въ Писателѣ духъ наблюдательный, опспроуміе и глубокое знаніе человѣческаго сердца, соединенное съ безцѣннымъ да-

ромъ выражашься легко, натурально и разнообразно.

§ 7. Между древними Писателями отличились въ сочиненіи разговоровъ слѣдующіе: *Платонъ*, *Эсхинъ*, *Лукианъ* и *Цицеронъ*; между новѣйшими: *Фенелонъ*, *Фонтенель*, *Вернетъ*, *Лордъ Лительтонъ*, *Лессингъ*, *Мендельзонъ*, *Виландъ*, *Энгель* и пр.

IV.

Учебныя сочиненія.

§ 1. *Догматическими* или учебными сочиненіями называемъ мы тѣ, въ копорыхъ предлагаются или доказываются истины общепользныя, служащія къ наученію ума, или образованію нашего сердца. Сей родъ сочиненій можно раздѣлить на два разряда: на *разсужденія* и на *учебныя книги*. Первые занимающя обыкновенно одною отдѣльною истиною; другія представляютъ намъ многія истины въ связи и порядкѣ.

§ 2. *Опличительныя* свойства слога сихъ сочиненій суть тѣ же, копо-

рыя приписали мы прежде слогу низкому, или народному. Если Писатель имѣешь главною своею цѣлю наученіе и убѣжденіе разсудка; оловашельно ясность и точность въ мысляхъ и слогъ должны быть необходимымъ условіемъ догматическаго творенія. Всѣ Орашорскія украшенія, служащія къ воспламененію спростей и воображенія, не имѣють здѣсь мѣста. Впрочемъ, для того, чшобъ сей слогъ не былъ слишкомъ сухъ, однообразенъ и ушомишеленъ, позволяется Авшору употреблять историческія опешупленія, примѣры и описанія характеровъ.

§ 3. Подъ разсужденіемъ разумѣемъ мы связное, спройное сочиненіе, въ которомъ Писатель объясняешь, или доказываешь теоретическую или практическую истину. Сія истина должна имѣть собственную важность, и можешь относиться или къ наукамъ, или къ изслѣдованіямъ историческимъ, шакъ какъ предметъ защищенія, или опроверженія. Содержаніе разсужденій можешь быть столько же много-различно, сколь безчисленны предметы въ Природѣ и наукахъ. Самый способъ сочиняшь ихъ измѣняешь без-

пресшанно , по существу машерій , по намъренію Авшора, — и смопря по пому, пребуешъ болъе или менъе оспроумія , почности и спрогоспи въ изслъдованіяхъ. Разсужденіе , взяное въ шъсномъ смыслъ , означаешъ шу часшь сочиненія , кошорая находишся въ срединъ его , между началомъ и концемъ.

§ 4. Съ перваго взгляда видно , что Рипорика можешъ показашъ намъ шолько форму , какъ располагашъ разсужденія. Всъ прочія правила , опносмщіяся къ разбору , доказательствамъ и изложенію машерій , должна дашь намъ *Логика*. Она научаешъ насъ мыслишь здраво , и показываешъ методу , соопвъшспвенную каждой наукъ и каждой опдълной испинъ. И шакъ мы бы преспунили границы , себъ назначенныя , если бы здъсь занялись подробнымъ разсмащриваніемъ шого , что называешся началомъ и существомъ доводовъ , предложеній , доказательствъ , философскихъ преній и проч. Но поелику во всякомъ сочиненіи машерія и форма совершенно нераздълны , и зависяшъ другъ опъ друга : шо мы упомянемъ здъсь вкращцъ о шомъ , что онъ имъюшъ общаго между собою.

§ 5. Всѣ *предложенія*, которыя служатъ предметомъ ученыхъ разсужденій, могутъ быть раздѣлены на два рода: на *общія* и *частныя* или *особенныя*. *Качества* предложенія, по которымъ оно бываетъ или утвердительное, или отрицательное, не могутъ имѣть никакого особеннаго вліянія на слогъ Риторической, но производятъ только нѣкоторыя случайныя формы для стороны защищающей и опровергающей. Во всѣхъ общихъ предложеніяхъ надобно наблюдать полную и точность отношеній между подлежащимъ и сказуемымъ: таковыя предложенія философскія, метафизическія и вообще математическія. Особенныя предложенія имѣютъ широкій и частный кругъ сказуемаго; оно предполагаетъ нѣкоторыя только роды и классы, и относится часто къ извѣстнымъ лицамъ, временамъ, мѣстамъ и пр. Таковыя суть историческія изслѣдованія, предпринимаемыя по особенному случаю для особенныхъ предметовъ.

§ 6. Всякое разсужденіе имѣетъ предметомъ своимъ доказательство истинны даннаго предложенія; оно до-

спигаешь своей цѣли посредствомъ объясненія, раздробленія и раскрытія всѣхъ понятій, заключенныхъ въ цѣломъ и въ связи между частями; попомъ употребляешь доводы, которые производящъ очевидность истины, ушверждаемой или одровергаемой.

Лучшія и сильнѣйшія доказательства суть тѣ, которыя почерпаются изъ самаго существа и свойствъ доказываемой вещи. Кромѣ сихъ, онѣ могутъ быть или историческія, или взяшыя изъ наукъ, или шакія наконецъ, которыхъ перебуютъ выгоды самого шого, кого убѣждаемъ. Сія послѣднія называются побудительными причинами, и берутся по большой части изъ общественной жизни.

§ 7. *Источники доводовъ, употребляемыхъ въ разсужденіи или рѣчи, весьма многоразличны. Въ общихъ разсужденіяхъ заимствуются они отъ опредѣленія предмета, отъ главныхъ свойствъ вещи, отъ обстоятельствъ предмета, или отъ его слѣдствій, отъ способовъ, посредствомъ которыхъ онѣ дѣйствуютъ, отъ подобныхъ случаевъ, отъ примѣровъ, отъ прошивнаго, и наконецъ отъ свидѣтельствъ и приз-*

наковъ , заслуживающихъ вѣроятіе. Въ особенныхъ предложеніяхъ лице , время , мѣсто , случай и проч. суть обыкновенные источники доводовъ. Сіи послѣдніе у древнихъ Риторовъ назывались *общими мѣстами* ; онѣ составляли въ ихъ наукѣ собственно систему изобрѣтенія , которой правила болѣе вредны , нежели полезны.

§ 8. Сверхъ того надобно смотрѣть на *достоинство* самаго предложенія. Отъ хорошаго выбора въ семъ случаѣ зависить занимательность и щастливое расположеніе цѣлаго. Предложенія должны быть важны по своему вліянію ; истина , точность , богатство и краткость суть необходимыя ихъ свойства ; чѣмъ болѣе заключающъ онѣ въ себѣ сихъ свойствъ , тѣмъ быстрѣе и надежнѣе дѣйствуютъ на вниманіе читателя , тѣмъ обильнѣе въ доказательствахъ , тѣмъ удобнѣе для самаго Автора.

§ 9. Всякое разсужденіе пребуешь *плана* , или предварительнаго начертанія , по которому всѣ части его сохраняющъ свою взаимную связь и порядокъ. Сначала предлагается *вступленіе* , которое , будучи взято изъ са-

мой машеріи , ведешъ насъ къ ней натуральнымъ порядкомъ ; попомъ слѣдуешъ *разсужденіе* , или изложеніе самага предмета посредствомъ доказательствъ , примѣровъ и проч ; наконецъ читаешъ въ *заключеніе* , въ которомъ все цѣлое предсавляешся кратко , съ большею живостію и разишельностію : это естъ послѣдній взоръ Писателя , который обнимаешъ все вдругъ и въ надлежащей связи , согласно съ его намѣреніемъ . Всѣ сіи часши разсужденія должны бытъ соединены искусными переходами ошъ одной къ другой .

§ 10. Когда догматическое разсужденіе не ограничиваешся одною испиною , но имѣешъ предметомъ своимъ послѣдствіе многихъ истинъ ; тогда происходишъ уже учебныя книги , или *системы* , въ которыхъ всѣ часши какого нибудь искусства , или науки предсавляюшся въ шакомъ порядкѣ , чшобы онѣ могли подкрѣпляшъ другъ друга , чшобы послѣдующее зависило ошъ предыдущаго , и одно другимъ объяснялось . Здѣсь всѣ доказательства и ихъ *начала* могушъ бытъ иногда ошвлеченныя , иногда всеобщія , или на вѣрояшіи основанныя положенія , или опы-

пыг, самымъ событіемъ подтвержденныя. — Сообразно сему, самыя сисстемы бывають различныхъ родовъ.

§ 11. Каждая учебная книга, относящаяся къ искусству или наукѣ, имѣеть свою определенную цѣль, которая зависишь непосредственно отъ ея началъ. — Сія цѣль должна бышь сполько очевидна, чшобы слушатель, или учащійся могъ всегда обнять однимъ взглядомъ всю обширность предлагаемой ему науки; чшобъ онъ зналъ подробно всѣ ея занятія, отношенія, потребности и пользу, и, пакъ сказать, присвоилъ ее самому себѣ. — Къ сему способствуешь не только общее разсмотрѣніе всѣхъ испинъ, положеній, доказательствъ и слѣдствій; но также ихъ принаровленіе къ другимъ наукамъ и случаямъ жизни, ихъ связь между собою, и самая Исторія успѣховъ науки, къ которымъ онъ принадлежать.

§ 12. При всемъ великомъ многообразіи между науками и искусствами, нѣтъ нужды вымышлять отдѣльныя для нихъ правила въ разсужденіи плановъ и способа предлагать ихъ. — Существо каждой науки, цѣль ея, нуж-

Е

ды и способности ихъ, для ко-
рыхъ назначена учебная книга: вошь
все, что можешь произвешти нѣкошо-
рыя измѣненія и оплачія въ ея распо-
ложеніи и ходѣ. — *Полнота, порядокъ,*
ясность и краткость, — главные свой-
ства всякой учебной книги. — О сло-
гѣ народномъ или догматическомъ гово-
рили мы уже прежде.

§ 13. *Метода*, которая упошреб-
ляется во всѣхъ разсужденіяхъ и учеб-
ныхъ книгахъ, бываетъ двоякая: *ана-*
литическая и *синтетическая*. — По-
дробное объясненіе того и другаго по-
рядка принадлежитъ къ Логикѣ. Пер-
вой стремишься ошъ частныхъ замѣч-
ній ко всеобщимъ истинамъ; другой
начинаешь всеобщими и многообъемлю-
щими положеніями, и переходишь къ
частнымъ, въ нихъ содержащимся по-
ложеніямъ. Метода аналитическая спо-
собствуетъ особенно къ скорѣйшему
разсмотрѣнію истины въ такихъ слу-
чаяхъ, когда замѣченное нами сход-
ство между нѣкоторыми частями пред-
метовъ ведетъ насъ къ общему заклю-
ченію. Она есть метода изобрѣтенія. —
Синтетическая метода напрощаетъ то-
го болѣе полезна въ ученіи; потому

что гораздо легче и скорѣе можно показашь въ одномъ всеобщемъ положеніи многія частныя, его составляющія, нежели въ частныхъ случаяхъ и предложеніяхъ открывашь общее и новое.

Мы не можемъ помѣстить здѣсь великаго множества древнихъ и новыхъ Писателей, оплотившихся въ семь родъ сочиненій; довольно упомянушь о важнѣйшихъ изъ шѣхъ, копорыхъ книгами и учеными разсужденіями пользуемся мы и шеперь. — Таковыя изъ Грековъ: *Ксенофонъ, Плутархъ, Аристотель и Лонгинъ*; между Римлянами: *Цицеронъ, Квинтиліанъ и Сенека*; между Италіянцами: *Махіавель, Гравина, Алгаротти и Беттинелли*; изъ Французовъ: *Монтанъ, Фенелонъ, Сент-Эрмонъ, Фонтенель, Монтескю, Кондильякъ, Батѣ, Гельвецій, Руссо, Вольтеръ, Дидеротъ, д'Аламберъ и Мармонтель*; между Англичанами: *Стиль, Адиссонъ, Локкъ, Лордъ Болинброкъ, Шафтесбури, Юмъ, Джонсонъ*; изъ Нѣмцовъ: *Геллертъ, Рабенеръ, Шлегель, Крамеръ, Лессингъ, Виландъ, Мендельзонъ, Сульцеръ, Циммерманъ, Эбергартъ, Кампе, Якоби, Дихтенбергъ, Платнеръ,*

Энгель, Гарве, Мейнерс, Шрекк и пр. — Изъ Рускихъ: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Румовскій, Гурьевъ, Барсовъ и пр.

У.

Исторія.

§ 1. Философъ и Историкъ ошлечающа другъ ошъ друга шѣмъ, что одинъ имѣешь въ виду своемъ общую истину, а другой напрошивъ шого занимаешься ошдѣльными случаями и происшествіями жизни. И такъ историческое повѣствованіе разнишя ошъ догматическаго, или ошъ ученыхъ разсужденій, шѣмъ, что сіи послѣдніа имѣють предметомъ своимъ умшвованія и предположенія, а первое — дѣнія и приключенія людей. Исторія почти необязана изыскивать и ошкрывать причины произшествій; но она должна рассказать ихъ въ шомъ самомъ порядкѣ и связи, въ какой они другъ за другомъ слѣдовали.

§ 2. Прежде нежели разсмотримъ ны различные роды историческаго повѣствованія, представимъ шеперь нѣкоторыя всеобщія правила, кошорыя

непосредственно происпекающъ изъ его существа и цѣли. Первое и необходимое свойство всякаго разсказа есть ясность, кошорая состоишь въ томъ, чшобъ всѣ обстоятельства происшества, сами по себѣ и по взаимному ихъ отношенію, представлены были въ надлежащемъ свѣтѣ; чшобъ онѣ продолжались и раскрывались въ порядкѣ натуральномъ и въ свое время. — Историкъ долженъ опредѣлить ихъ точно и основательно, и не пропустить ничего, что служишь къ ушверженію подлинности происшества, или, что можешь показашъ ихъ съ лучшей стороны, дабы шѣмъ удобнѣ возбудишь и удовлетворишь любопытство читателя. И такъ подъ историческою ясностію разумъшь должно я *порядокъ*, и *полноту*.

§ 3. Не менѣе похвальна въ хорошемъ повѣствованіи *краткость* въ мысляхъ и выраженіяхъ. Она зависишь отъ правильнаго понятія о вещахъ, и отъ нѣкошорой мудрой скромности въ образѣ объясненія. Сюда принадлежишь *благоразумный выборъ* обстоятельствъ, принадлежащихъ къ главному предмету. Историкъ избираешъ изъ нихъ важнѣй-

шія, опускаетъ незанимательныя, и не мучитъ читателя малозначущими эпизодами и опшсупленіями. Самой слогу исторической не терпитъ ничего бесполезнаго и излишняго; приличная краткость доставляетъ ему живость и выразительность. При семъ осперегаешь должно, чтобы неумѣренное стараніе сдѣлать слогу свой крпшкпмъ, сильнымъ и яснымъ, не сдѣлало его шемнымъ.

§ 4. *Занимательность* повѣствованія зависитъ или отъ важности самаго содержанія, или отъ искуснаго расположенія историческихъ происшествій. Чѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе вліяніе повѣствуемаго приключенія по его связямъ, обстоятельствомъ и послѣдствію, чѣмъ примѣчательнѣе люди, дѣйствующіе въ ономъ, чѣмъ чрезвычайнѣе и нечаяннѣе перемѣны: тѣмъ сильнѣе повѣствованіе дѣйствуетъ на читателя, тѣмъ долѣе оспается оно въ памяти. — Самый слогу Историка можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію вниманія, любопытства и участія. Мы, въ послѣдствіи замѣтили главныя красоты историческаго слога.

§ 5. Исторической слогъ по большей части относится къ слогу среднему: умѣренные украшенія возвышаютъ его предъ простонароднымъ; но онъ рѣдко позволяеть себѣ великолѣпнѣе высокаго. Сии красоты заключающя или въ самомъ существѣ содержанія, или въ мысляхъ и оборотахъ, или въ приличной живописи характеровъ и мѣстоположенія, въ которомъ производился дѣйствіе: или въ чувствахъ, возбуждаемыхъ прогательными сценами и проч. Кромѣ того совершенно исторической слогъ требуетъ какой-то безыскусственной простоты, которую можно почесть лучшимъ средствомъ для доставленія ему живости и силы. Излишество вездѣ вредно. Историкъ, не умѣряющій себя въ украшеніяхъ, можетъ сдѣлать самую истину подозрительною.

§ 6. Главныя вспомошествоющія части повѣствовательнаго рода суть слѣдующія: *характеры* (когда они представляются отдѣльно), — *жизнеописание* или *біографія*, *вымышленныя повѣствованія* и *истинная Исторія*. Мы скажемъ кратко о каждой изъ сихъ частей.

I. Характеры.

§ 7. Подъ именемъ характера разумемъ мы собственное отличіе всякой вещи, посредствомъ котораго получаемъ она свою видимую опредѣленность и различіе отъ всѣхъ другихъ предметовъ. И такъ характеръ челоука составляетъ ему только принадлежащія нравственныя и физическія свойства, а особливо первыя, то есть, врожденныя и приобретенныя способности чувствованія, склонности и привычки, образъ мыслей и поведенія. Главная основа характеровъ весьма многообразна; она измѣняется по народамъ, по временамъ, по состоянію, по возрасту, образу жизни и воспитанія, по духу народа, по темпераментамъ и привычкамъ.

§ 8. На сіи-то основы характера долженъ обращать Писатель особенное вниманіе; его дѣло угадать, которыя изъ нихъ въ томъ, или другомъ случаѣ суть подлинныя источники мыслей, чувствованій и поступковъ челоуковъ. Сіе разсужденіе предполагаетъ въ немъ духъ наблюдательный и глубокое познаніе сердца челоуческа-

го, — плодъ продолжительнаго чшенія, замѣчаній и опышовъ весьма многихъ. Всѣ харакшеры, взяшые изъ Природы, принадлежашъ къ Испоріи; но сію почесшь заслуживающъ въ особенносши шѣ, кошорые опшичающся особливymi великими свойсшвами. Харакшеры, совершенно вымышленные, или слишкомъ обыкновенные, рѣдко бывающъ занимашельны.

§ 9. *Изображеніе характеровъ* пребуешъ вѣрносши и правильносши какъ въ цѣломъ, такъ и въ самыхъ малѣйшихъ измѣненіяхъ и опшѣнкахъ, шочносши и живосши въ образѣ разговора и дѣйсшвіяхъ, шакъ чшобъ ничего не осшавалось сомнштельнаго и обоюднаго. Они должны сохраншшь опъ начала до конца ревносшь и согласіе въ поступкахъ и въ ходѣ мыслей, вѣрояшносшь и природу, особливо когда они вымышлены. Чшобы придашь имъ болѣе живосши и силы, Писашель предшавляетъ ихъ въ извѣсшной прошшвоположносши одинъ съ другимъ. Разшшельносшь, крайкосшь и какая-шо особенностъ сосшавляющъ плѣнштельную красосу шаковой живописи.

Ж

§ 10. Характеры истинные и вымышленные гораздо чаще могутъ встрѣчаться въ Исторіи, какъ частію повѣствованія о многихъ предметахъ, или историческихъ происшествіяхъ. Впрочемъ на нихъ можно смотрѣть какъ на особенный повѣствовательный родъ писаній, который имѣетъ цѣлю свою нравоученіе посредствомъ добрыхъ примѣровъ. *Феофрастъ* изъ древнихъ и *Лабрюеръ* изъ новѣйшихъ Писателей отличились въ семъ родѣ сочиненій.

II. Біографія.

§ 11. *Біографія* или жизнеописаніе есть повѣствованіе о судьбѣ, поступкахъ и свойствахъ какой-нибудь знаменитой особы. Сей родъ сочиненій пребуетъ тѣхъ же самыхъ правилъ, которыя упомянуты нами, когда говорили о разсказѣ и характерахъ. Прибавимъ нѣсколько словъ. — Біографъ долженъ избиратьъ такія лица, которыхъ жизнь сама по себѣ занимательна и богата происшествіями, которыя или саномъ своимъ, или опмѣнными заслугами, или спраннымъ спеченіемъ обшпательствъ и перемѣнъ щасція обрашили на себя всеобщее вниманіе. Цѣль Біографа и цѣль Историка въ

нѣкоторыхъ отношенійхъ различны другъ ошъ друга. Последній описываетъ происшествія въ связи и порядкѣ; первой болѣе всего смотришь на дѣйствующую особу, и стараешься со всею возможною подробностію описать разительнo ея характеръ.

§ 12. Біографія, кромѣ высокаго и занимательнаго, должна имѣть еще спашь нравоучительныя и ученныя, служащія къ распространенію познаній. Для достиженія сего, Писатель въ жизни знаменитой особы избираетъ только такія обстоятельства, кошорыя могутъ довести читателя до новыхъ важнѣйшихъ и полезныхъ замѣчаній о человекѣ, или Природѣ. Между многоразличными случаями жизни, превращеніями, слабостями и дѣйствіями онъ описываетъ особенно тѣ, кошорыя должны служить урокомъ, или спасительнымъ примѣромъ для подражанія. Біографія оправдываетъ древнее мнѣніе, всѣми принятое, что хорошій примѣръ гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ философскихъ наставленій и правилъ.

§ 18. Мы прежде замѣтили, что *точность и любовь къ истинѣ* соснавляютъ священную обязанность каждая

го Историка; по же самое предписывается Биографу, особливо когда его сочиненія заключающъ въ себѣ не вымышленныя, или идеальныя происшествія и лица, но дѣйствительныя событія, основанныя на вѣрнѣйшихъ Историкахъ или преданіяхъ. Онъ долженъ представить въ ясномъ свѣтѣ всѣ дѣянія особы, имъ описываемой, показавъ начало и вліяніе оныхъ, отличивъ заслуги и достоинства безъ малѣйшаго прикраса, не укрывъ отъ чашащеля недосащковъ и пороковъ, наконецъ упомянувъ о намѣреніяхъ, о дурныхъ и добрыхъ предпріятіяхъ, хоша бы онъ были неудачны, или служили къ помраченію славы описываемаго характера.

§ 14. Между обстоятельствомъ жизни знаменитаго человека есть особенно важныя и не столько важныя: Последнія, для сохраненія надлежащей полноты, не должны быть пропускаемы, но упомянуты слегка; другія напротивъ требуютъ особливо тщательности и подробностей. Чѣмъ болѣе сіи обстоятельства имѣютъ связь съ одновременными происшествіями какаго-нибудь цѣлаго народа, тѣмъ болѣе

обнаруживаются и разборчивость и шруды Историка. Въ такомъ случаѣ говоришь о народѣ, который облагодѣтельствованъ и прославленъ Героемъ, говоришь объ его вліяніи не только не прошивно вкусу, но и похвально, такъ какъ средство, служащее къ объясненію цѣлой Біографіи; это особенно относится къ Мужамъ, которые произвели новую эпоху въ правленіяхъ, въ религіи, въ наукахъ и проч.

§ 15. *Слогъ біографической* пребуешь всѣхъ шѣхъ достоинствъ (ясности, порядка, живости, свободы), которые необходимы для каждаго рода историческихъ сочиненій. Онъ позволяешь себѣ только скромное украшеніе, удаляешь всего панигирическаго и напыщеннаго; — бываетъ всегда ровень, цѣвшущъ и разнообразень. Особенно біографической Писатель долженъ ошлячаться какою-то доброю, естественною простотою въ выраженіяхъ, не слишкомъ обыкновенныхъ и не слишкомъ искусственныхъ; о нѣкоторыхъ мѣлкихъ обстоятельствахъ онъ только намекаетъ, другія описываетъ съ подробностію, иныя представляешь догадкѣ читателя.

§ 16. Образцы въ семь радъ сд-
чиненій между древними: *Ксенофонтъ*,
Плутархъ, *Диогенъ Лаарцій*, *Норне-*
лій Непотъ, *Тацитъ* и *Светоній*.
Между новѣйшими: *Флешье*, *Фонте-*
нель, *Люд. Расинъ*, *Вольтеръ*, *Варбур-*
тонъ, *Мидлетонъ*, *Жонсонъ*, *Шреккъ*;
Николаи, *Гердеръ*; и проч.

III. Романы

§ 17. Романъ бываетъ по большой
части повѣствованіе *вымышленное*; но
правила въ разсужденіи расположенія
и слога суть пѣже самыя, которыя
относятся и къ истиннымъ повѣст-
ваніямъ. Впрочемъ сей родъ принад-
лежитъ болѣе къ спихшворнымъ, не-
жели къ прозаическимъ родамъ; и
пошому Писатель романа долженъ
знать еще нѣкоторыя наставленія Ци-
цероники. Щасливое изобрѣженіе глав-
наго содержанія и подробности, но-
вость и занимательность, какъ въ са-
мыхъ происшествіяхъ, такъ и въ об-
разѣ разсказа, искусство описывать
характеры дѣйствующихъ особъ, кра-
сота и пріятность слога: вотъ имен-
но обходимыя свойства романическаго по-
вѣствованія.

§ 18. Вымышленныя повѣствованія опличаются другъ отъ друга ихъ содержаніемъ, формою и слогомъ. Самыя короткія изъ нихъ называются *повѣстями*; а когда ихъ содержаніе основано на народныхъ разказахъ и несбыточныхъ чудесностяхъ, принимающъ онъ названіе *сказокъ*. Главное достоинство ихъ состоитъ въ слогѣ, который опличается легкостью, натуральною живописію и нѣкоторою простотою. Отъ сказокъ не требуется ни особой точности въ расположеніи, ни строгого вѣроятія; довольно, если вымысль повѣствованія не оспавливается и не оскорбляетъ вниманія своею гурдливостію, если онъ не далѣе обласей возможности. Времена рыцарскія и баснословныя царства Фей суть обыкновенные магазины для сего рода сочиненій.

§ 19. *Романами* собственно называются гораздо пространнѣшія повѣствованія. Ихъ содержаніе всегда разнообразнѣе, плодовитѣе; слогъ исполненъ большими измѣненіями. По существу своему и по правиламъ сочиненія, весьма сходны съ героическими Поэмами; но басня романовъ не имѣетъ

ни величїя, ни важности Эпопей; она не предсоставляешь намъ многихъ лицъ героическихъ и многихъ подвиговъ, но по большой части относится къ одному человеку. Сверхъ того чудесное въ романѣ никогда не должно выходить изъ предѣловъ Природы, что обыкновенно бываетъ въ Поэмѣ, самый слогъ долженъ быть менѣе спихотворнымъ, менѣе смѣлымъ, менѣе украшеннымъ; онъ ограничивается прошлыми чистейшей и легкой прозы.

§ 20. *Содержаніе романовъ* бываетъ или историческое, или совершенно вымышленное, и при томъ двухъ родовъ: или важное, или комическое. Романъ рыцарской занимаетъ средину между сими двумя родами. Въ важныхъ романахъ Писатель имѣетъ предметомъ своимъ живое, разительное изображеніе Природы и нравственной жизни; онъ старается занять, провухъ и научить читателя. Комическій родъ романовъ посвященъ увеселенію, посредствомъ смѣшнаго, страннаго, нелѣпаго и чудеснаго. Всѣ согласны въ томъ, что для сочиненія забавнаго романа гораздо болѣе требуется силы изобрѣшенія и какой-то разительной ориги-

нальности въ характеръ и духъ Писателя; впрочемъ шось и другой родъ равно предполагаешь глубокое познаніе человѣческой природы и богатое воображеніе.

§ 21. Прежде всего Сочинитель долженъ сдѣлать хорошій *выборъ* содержанія для своего романа. Пусть оно изобилуетъ любопытными случаями; привлекательными и разнообразными характеровъ и мѣстъ описаніями; потомъ обращаетъ онъ свое вниманіе на *приведеніе въ дѣйство* своего вымысла; для сего нужны благоразумной *планъ* и искусство изъяснить свои мысли и чувства, — искусство трудное и обширное! Прибавьше къ сему нѣкоторыя правила Эпической и Драматической Поэзіи. Потребуется великой шаланшъ, чшобы избрать соотвѣтственнае цѣли расположеніе; чшобъ знать мѣсто и мѣру для каждаго эпизода; чшобы удачно составишь завязку и развязку; чшобы живописать снрасни въ надлежащей ихъ силѣ и шепеніи; однимъ словомъ, чшобы умѣшь сокращать онъ начала до конца возбужденное вниманіе читателя, пишашъ его воображеніе безпрестанно новою пищею, и ни мало не

упокояя, держа въ непрерывномъ движеніи силы и способности души сердца.

§ 22. Изъ всего сего видно, что романы по многимъ отношеніямъ принадлежатъ къ родамъ стихотворнымъ. Самая цѣль ихъ должна быть двоякая: нравиться и научать, дѣйствовать на воображеніе и на чувства. Романъ гнѣтъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе онъ удовлетворилъ симъ требованіямъ. Приятность не состоитъ въ искусствѣ забавлять, и нравовъ не заключаетъ въ одной книгѣ воспитанія; онъ живущъ въ предѣлахъ и пономѣ подражанія. Природѣ, которая представляетъ неисощимое богатство для занятія воображенія, непреклонныя правила для нашего сердца и благородную работу для нашего ума. Такимъ образомъ романъ можетъ образовывать вкусъ и чувство; онъ знакомитъ насъ съ обычаемъ и нравами; онъ представляетъ намъ въ время препровожденія невинное и приятное. Романъ, въ которомъ инорже сивуеиъ и урокъ, а въ которомъ царствуюиъ вобольшипельное раедуиснеиъ и дурныя распраси, доиоимъ всеобщаго презрѣнія.

§ 23. *Форма и одежда романовъ* весьма многообразны, и чаще самое изменение возвышаетъ ихъ достоинство. Форма сія бываетъ :

1) *Историческая*, или повѣствовательная, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно представить происшествіе просто въ его продолженіи, связи и подробностяхъ.

2) *Драматическая*, или разговорная, — тамъ, гдѣ главное искусство писателя усмремлено на живопись характеровъ. Та и другая форма романовъ могутъ быть иногда вмѣстѣ. Романы бываютъ также въ *письмахъ*; дѣйствующія особы переписываются между собою, и въ порядкѣ ихъ переписки сохраняется порядокъ, которому слѣдовало происшествіе.

§ 24. Романы у древнихъ не были извѣстны (разумеется, въ томъ видѣ, въ какомъ они нынѣ существуютъ) въ вымышленныя повѣствованія Грековъ и Римлянъ облакаемыя и въ одежду Поэзіи. — Отъ позднихъ временъ древности остались намъ повѣсткія Греческихъ Пиратствъ, которыя можно отнести къ самому роду. Въ нихъ

описана любовь, и пошому онѣ называющся обыкновенно *Эротическими*. — Сии Писатели: *Геліодоръ, Ахиллесъ Таціусъ, Лонгусъ, Евстафій, Харитонъ, Ксенофонъ Эфесскій, Аристнетъ и Альцифронъ*. Сюдаже нѣкошорымъ образомъ принадлежатъ опривки *Лукіана и Апулея*.

§ 25. Вскорѣ по возшановленіи наукъ явились у всѣхъ народовъ романы, писанные по большей части списками. Почипаемъ излишнимъ приводить здѣсь великое множествво Авшоровъ, которые занимались симъ родомъ сочиненій. — Довольно вспомнить о важнѣйшихъ. Между Испанцами опличились: *Сервантъ, Квеведо и Гуртадо де Мендоза*.

§ 26. Изъ великаго множествва шарыхъ *Италіанскихъ* романовъ ни одинъ не заслуживаетъ особливаго вниманія. Въ самое цвѣтущее время Липерашуры своей Ишаліянцы ограничивались крашкими прозаическими повѣстями. — Знаменишѣйшіе Писатели въ семъ родѣ *Бонаціо, Банделло, Джіовани, Цинтіо, Санзовино, Странароля и Сакчетти*. Новѣйшіе романы Ишаліянцовъ суть по большой части подража-

ніе, или переводы иностранных; сочиненія *Хиари* и другихъ всё почти весьма продолжительны и скучны.

§ 27. Первые романы Французовъ относятся ко временамъ возрождающейся Литературы. Предпоследнее спользіе даровало имъ истинное достоинство и занимательность. Между безчисленнымъ множествомъ романисновъ отличаются: *Прево, Мариво, Лесаажъ, Кребильонъ, Руссо, г-жа Риккони, Вольтеръ, Мармонтель, Арно, Флоріанъ, г-жа Жанлисъ, г-жа Сталь,* и проч.

§ 28. Между Англичанами романъ достигнулъ большаго совершенства посредствомъ вѣрнаго и точнаго изображенія человеческой природы, также превосходными нравоченіями и силою чувствованій, дѣйствующихъ на душу читателей. Кто не знаетъ *Ричардсона, Филдинга, Стерна, Голдсмита, Миесъ Бурней* и проч.?

§ 29. Въ Германіи писали романы очень давно, но самые древнѣйшіе показывающъ всё почти недостижокъ вкуса; за шо въ новѣйшихъ романахъ Нѣмцы сравнились со всеми лучшими

народами: Опличные писатели въ семь
родѣ: Галлеръ, Виландъ, Гёте, Ни-
колаи, г-жа Ларошъ, Гермесъ, Душъ,
Миллеръ, Мейснеръ, Везель, Шум-
мель, Музеусъ, Юнгъ, Смитъ, Ав-
густъ Лафонтень и Коцебу.

IV. Исторія.

§ 30. Главныя правила историче-
скаго повѣствованія, или Исторіи, по-
казаны нами прежде; теперь упомя-
немъ еще о нѣхъ немногихъ, которыя
относящся къ такъ называемой до-
длинной Исторіи. Поелику область ея
весьма обширна, поелику она обни-
маетъ весь происшествія, взятыя изъ
Природы, изъ жизни гражданствен-
ной, изъ церковнаго и ученаго свѣта: по и
примѣненію сихъ правилъ, смотря по
разности предметовъ, должно быть
весьма многообразно.

§ 31. Впрочемъ, какъ бы предме-
ты Исторіи различны, ни были, все-
гда находящся они въ извѣстной свя-
зи, и потому имѣютъ многія общія
свойства. Искренности, любовь
къ справедливости, безпристрастіе,
осируміе и быстрый проницательный
взглядъ, точность и постоянное тер-

пѣніе при разматриваніи происшедшаго, свобода оцѣ всѣхъ спрассей, оцѣ всѣхъ изступленій, доображенія, свѣдѣнія о вѣсѣхъ дѣуріяхъ Государей, оцѣвахъ и народахъ, богатство въ источникахъ вѣрныхъ, здравый разсудокъ и глубокое познаніе сердца человеческого: вопль существенныя качества и способности хорошаго Историка!

§ 32. *Матеріалы* Исторіи бывающыя различныхъ родовъ. Къ нимъ относятся или оцѣдѣльные случаи, обобщенія и приключенія; или изслѣдованіе причинъ и источниковъ, оцѣ которыхъ онѣ произошли; или оцѣкрытіе слѣдствій, могущихъ впрѣдѣ случиться; или рѣчи, которыя говорили дѣйствующія лица; или по крайней мѣрѣ могли бы говорить по вѣроятности; или оцѣсаніе примѣчательныхъ слуханъ, земель и мѣстъ, или наконецъ разсужденія самого Писателя, выведенныя изъ происшествій, и приличныя оцѣступленія, относящіяся къ лицамъ, временамъ и мѣстамъ, о которыхъ говорится. Обыкновенно все сія матеріалы соединены бывающыя въ хорошей Исторіи.

§ 33. Въ семь случаевъ, такъ какъ и вездѣ, авторъ долженъ наблюдать необходимо нужную полношу, выборъ и связь; сообразно своей цѣли, онъ соединяешь и располагаешь цѣлое швореніе. Историческое *единство* шребуешь, чшобы въ слогѣ повѣствовательномъ всѣ произшествія, случаи и обстоятельштва приведены были къ одной всеобщей почкѣ зрѣнія. Намѣреніе Историка сосшопшь или въ наученіи, или въ удовольшвіи. Онъ никогда не шеряешь изъ виду главнаго происшествія; но, чшобы сильнѣе доказашь его подлинность и истину, должно доказашь истину всѣхъ частныхъ приключеній, которыя къ нему относятся; я разумѣю подѣ сими словами всѣ случаи, всѣ описанія мѣспъ и времени, всѣ побудительныя причины, порядокъ, вліяніе и слѣдшвія ихъ опдаленныя. И шакъ истинный Историкъ долженъ бышь вмѣспѣ и Полишкѣ.

§ 34. *Привязанность къ истинѣ и безпристрастіе* Историка могушь обнаружиться въ описаніи характеровъ, которыя выводимъ онъ на сцену. — При семь случаяхъ спарается онъ показашь подлинную шепенъ ихъ влія-

нія, сокровенныя причины, образъ самаго дѣйствія и избираемыя имъ средства къ достиженію цѣли. Говоря о заслугахъ, обязанъ онъ предсавишь ихъ, не возвышая и не унижая.

§ 35. Философъ обыкновенно поясняетъ свои истины примѣрами историческими; Историкъ напрошивъ того самое происшествіе спарается украшашъ крапкими *разсужденіями*, особливо когда надобно ошкрышь шайныя причины опдаленныхъ или близкихъ слѣдствій. Сіе искусство, кромѣ основательности въ доказательствахъ, пребуетъ умѣренности скромной и благоразумной. Такія разсужденія должно позволять себѣ, сколько можно, рѣже, и давать случай чашапелю самому пользовашъ догадкою. Самохвальство, самоуверенность и напыщенное краснорѣчіе здѣсь совсѣмъ неприлично.

§ 36. Объ *отступленіяхъ* историческихъ мы говорили прежде; онъ особенно пристойны повѣствованіямъ происшествія опдѣльнаго, ограниченнаго извѣстнымъ продолженіемъ времени. Въ такомъ случаѣ необходимо нужно знать о всѣхъ постороннихъ происшествіяхъ, относящихся къ глав-

ному; поспешное и подробное ихъ раскрытіе также должно соотвѣтствовать видамъ цѣлаго. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и отступленіяхъ, Писатель никогда не забываетъ главного своего намѣренія; онъ изображается какъ части подчиненныя и принадлежащія важнѣйшему происшествію, для котораго служатъ только объясненіемъ.

§ 37. Въ началѣ Исторіи обыкновенно представляется *вступленіе* въ Исторію. Сочинитель предварительно знакомитъ читателя съ содержаніемъ своего сочиненія, и старается возбудить въ немъ всю потребную внимательность и участіе къ предмету, имъ повѣствуемому. Часто необходимо нужно бываетъ начать Исторію описаніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ главному происшествію, при чемъ упоминается также о нравахъ, обычаяхъ и естественномъ состояніи той земли, въ которой оно случилось; о времени, къ которому оно относится, и о лицахъ, въ немъ действовавшихъ; иногда, вмѣсто всякаго предисловія, представляется читателю сокращеніе всего того, что онъ долженъ разсказать

вашь будешь, дабы заблаговременно поспѣвши его въ надлежащую почку зрѣнія, и снабдишь нужными предварительными свѣдѣніями.

§ 38. Въ повѣствованіи историческомъ очень много значить *порядокъ*, въ кошоромъ происшествія располагаются, или слѣдуютъ другъ за другомъ. Сей порядокъ бываетъ двойкой: а) порядокъ времени, или хронологическаго послѣдствія; б) порядокъ самыхъ происшествій, основанный на внутренней ихъ связи. — Въ послѣднемъ случаѣ Историкъ часто принужденъ бываетъ обращать взоры назадъ въ опдаленную древность, или описывать современное, или представлять въ догадкахъ будущее, для того чтобы доспавить повѣствованію надлежащую полную. Впрочемъ выборъ того или другаго порядка зависишь отъ существа Исторіи или отъ особенной цели Историка. То и другое пребуешь заблаговременно начертанія плана, по кошорому назначается мѣсто для каждаго частнаго происшествія.

§ 39. О *слогѣ*, вриличномъ собственнн шакъ : называемой Исторіи, но же можно сказать, что мы сказали

прежде о слогѣ повѣствовательномъ вообще. Онъ опличается опъ Орашорскаго какою-то умѣренностію и хладнокровіемъ; но правильность и красота ему также необходимы. — Онъ должны бышь соединены съ точностію и краткостію. Измѣненія, которыя дозволяешь себѣ исторической слогѣ и которыя доставляютъ ему свободу, пріятность и занимательность, происходятъ по большой части опъ вышесказанныхъ нами различій самаго содержания; сіе послѣднее опредѣляешь слогѣ и мѣру шворенія историческаго.

§ 40. Одна изъ преимущественныхъ красотъ Исторіи есть живопись, или искусство представляешь происшествія такъ разительны и живо, какъ будто бы онѣ находились предъ нашими глазами. Она особенно можешь вспрѣшиться въ разсказѣ; она состоить въ драгоценной способности замѣчать характерическія черты предметовъ и представляешь ихъ кратко и сильно. Это предполагаетъ въ сочиненіи приличной выборъ, расположеніе и новую связь происшествій. Сюда принадлежатъ также рѣчи, разговоры, свиданія знаменитыхъ мужей и заниматель-

ныя положенія, въ которыхъ предсшав-
ляющся сія послѣдніе.

§ 41. Для приобрьшенія истинна-
го историческаго искусства попребно
изученіе лучшихъ Историковъ. Въ семъ
намъреніи упоминаемъ мы здѣсь о нѣхъ
Историкахъ, которые отличились не
только сущесивенными качествами сво-
ихъ сочиненій, но и самою одеждою
мыслей, достойною нашего подража-
нія. Таковы суть, кромѣ пворцовъ ис-
торическихъ книгъ Священнаго Писа-
нія, слѣдующіе между Греками: *Геро-
дотъ, Фукидитъ, Ксенофонтъ, Діо-
нисій Галикарнаскій* и пр.

§ 42. Изъ Римлянъ особенно за-
мѣчательны: *Цезарь, Салюстій, Ли-
вій, Тацитъ и Светоній.*

§ 43. Въ среднія времена являлось
великое множество историческихъ со-
чиненій, которыхъ впрочемъ, со сто-
роны вкуса и слога, не имѣють по-
чти никакого достоинства. Изъ нихъ
на Латинскомъ языкѣ заслуживають
вниманіе пворенія Президента *де Ту.*
Къ лучшимъ новѣйшимъ Историкамъ
можно причислишь между Испанцами
Маріана и Антоніо де Солисъ; меж-

ду: *Индриццани*; *Гиккардина*, *Адриана*, *Бентиволио*, *Давили*, *Махавелла*, *Анжело ди Костанзо* и проч.

§ 44. Во множествѣ Французскихъ Историковъ, ошлщрюнся: *Роленъ*, *Вреде*, *Боссюэтъ*, *Вертоуъ*, *Миллетъ*, *Вольтеръ*, *Рейналъ* и проч.

§ 45. Англичане доставили Исторіи особенную красоту и важность; или лучше сказать, возвратили ей то достоинство, которое имѣла она у древнихъ. Сюда принадлежатъ: *Бурнетъ*, *Юмъ*, *Робертсонъ*, *Голдсмитъ* и *Гиббонъ*.

§ 46. Нѣмцы, прославившіе себя во всѣхъ донши родахъ сочиненій, и на сию пору не могутъ сравниться съ другими народами изобиліемъ хорошихъ Историковъ. Сему недоставку спарайсь "Помогатъ" *Шреккъ*, *Шлецеръ*, *Шмитъ*, *Миллеръ*, *Мейснеръ*, *Шиллеръ*, *Архенеблѣцъ*.

§ 47. Между Россіянами: *Несторъ*, *Домоносоевъ*, *Эминъ*, *Татищевъ*, *Елагинъ*, *Щербатовъ*, *Штриттеръ*, *Варамзинъ* и проч.

иногда, и склонночно. **Речи Орасторскія**.

§ 1. Слово *речи* въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ разсужденіе, составленное по правиламъ искусства и назначенное къ изустному произношенію. Сіе разсужденіе заключаетъ въ себѣ одну какую-нибудь главную мысль, которая объясняется, или доказывается для убѣжденія слушателей. Слушатель можетъ быть убѣжденъ очевидностію предлагаемыхъ истинъ, изчисленіемъ вѣроятныхъ причинъ и силою доводовъ или доказательствъ. Завидный талантъ составляющъ такого рода сочиненія, соединенный съ способностію произносить ихъ приятно и убѣдительно, называется вообще *Враспорѣчи*; обладающіи всеми дарованіями для того потребными, именуется *Орасторомъ*.

§ 2. Речи, по ихъ содержанію, различаются, бывающъ различныхъ родовъ. Главное содержаніе Речи можетъ быть или общее, или частное; общее бываетъ теоретическое, или нравственно-человѣческое. Частное бываетъ, еще различно

виды. По симъ отношеніямъ, естъ Рѣчи *духовныя*, въ которыхъ предлагаются истины и обязанности Религіи; естъ Рѣчи *политическія*, въ которыхъ Орасторъ разсуждаешъ о выгодахъ, отношеніяхъ и потребностяхъ общества; — *судебныя*, гдѣ защищается невинно приписанный, или облачаешся преступникъ; *похвальныя*, заключающія въ себѣ похвалу заслугъ умершихъ, или живыхъ знаменитыхъ особъ; — *академическія* Рѣчи, касающіяся до ученыхъ предметовъ, изъ природы, или наукъ. — У древнихъ всѣ Рѣчи раздѣлялись на три рода, на *похвальныя*, *совѣтовательныя* и *судебныя*.

§ 3. Рѣчь, принятая вообще, весьма много сходствуетъ съ разсужденіемъ, о которомъ говорили мы прежде, и многія правила сего рода сочиненій могутъ быть къ ней приравнены. — Однако цѣль Орастора простираешся далѣе, нежели цѣль Философа, предлагающаго просто свои разсужденія. Сей послѣдній доволенъ яснымъ изложеніемъ своего предмета: связь и порядокъ, сохраненные между мыслями, сообразующи для него единственное ору-

діе кь убъжденію. Орапоръ запрошивъ шого спараеся не шолько убъдишь разумъ, но особенно хочешъ дѣйствовать на волю. Убъжденіе разсудка служить ему средствомъ кь достиженію цѣли, — кь сильнѣйшему воспламененію спрасшей.

§ 4. Внутреннее и наружное расположение Рѣчи вообще зависитъ отъ свойства предмета, въ ней предлагаемаго. Сей предметъ не всегда бываетъ единственно главнымъ содержаніемъ сочиненія; оно измѣняется до безконечности, точно также, какъ намѣренія Орапора; впрочемъ *правило единства* должно быть сохраняемо ненарушимо. Содержаніе сочиненія не всегда зависитъ отъ выбора Орапора: бываютъ случаи, въ которыхъ онъ обязанъ говорить вдругъ, не приговорясь, и все его искусство ограничивается однимъ благоразумнымъ расположеніемъ данной уже матеріи.

§ 5. Въ Словѣ или Рѣчи заключающія при намѣренія Орапора: *наученіе, убъжденіе, и искусство тронуть слушателя*. Всѣ сіи намѣренія должны быть соединены въ одно, и служить другъ другу взаимнымъ пособі-

И

емъ. Представляя предметъ со всею ясностію и подробностію, мы *научаемъ*, и въ то же время *убѣждаемъ* разумъ справедливостію, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятностію нашихъ доводовъ. Сіе наученіе и убѣжденіе дѣйствуютъ въ то же время на нашу волю, заспаваютъ насъ принявъ участіе въ предметъ, представляемомъ Ораторомъ, управляютъ нашими склонностями, и производятъ въ насъ или привязанность, или отвращеніе.

§ 6. Всѣ отдѣльныя части Слова должны непременно способствовать къ достиженію оной прямой цѣли. Посредствомъ *вступленія*, расположеннаго сообразно съ главнымъ содержаніемъ всего сочиненія и отличающагося краткостію и скромностію, Ораторъ спарается заранѣе приуготовить духъ и сердце слушателя къ разбираемому имъ предмету. Часто случаются шакія обстоятельство, что Вишія со всѣмъ оставяешь вступленіе, и прямо входишь въ матерію, о которой долженъ говорить. Вторая часть Рѣчи называется *изложеніемъ* или *разсужденіемъ*, или просто *разказъ* какого-нибудь происшествія. Сюда принадлежатъ шак-

же доказательства, или риторическіе доводы, копорыхъ выборъ и сущность зависить отъ самаго предмета, и копорыми Орапоръ или защищаешь свое мнѣніе, или опровергаешь чужое. Наконецъ слѣдуетъ *заключеніе*, въ копоромъ всѣ доказанныя истины снова повторающіяся съ большею силою и убѣдительностію, дабы остановить мнѣніе слушателей на своей сторонѣ, и утвердить въ шѣхъ чувствахъ, копорыми исполненъ самъ Орапоръ.

§ 7. Мы сказали, что убѣжденіе въ Речи производится посредствомъ *доводовъ и яснаго представленія* предмета. Сіе послѣднее соспоитъ въ разобраніи мнѣній или происшествій, запутанныхъ и шемныхъ, въ объясненіи понятій скрытыхъ или неизвѣстныхъ. Если сіи послѣднія сами въ себѣ заключающъ очевидность истины, то онѣ не перебуяющъ никакихъ особенныхъ доказательствъ: и если въ такомъ случаѣ употребляющъ доказательства, то конечно съ намѣреніемъ дославить случаю чпшателью сравнивашъ однѣ съ другими, для взаимнаго ихъ подкрѣпленія. Непосредственная или умозрительная очевидность происшекаетъ или изъ

аксіомъ , которыя сами по себѣ ясны , или зависящъ ошъ самоувѣришельнаго гласа совѣспи и чувспвованій, или слѣдуешъ изъ опредѣленій здраваго разсудка. Таковыя роды очевидноспи въ наукъ обыкновенно различающся : очевидносшь бываетъ или *метафизическая* , или *физическая* , или *нравственная*.

§ 8. Убѣжденіе посредствомъ доказательствъ происпекаетъ изъ двухъ главныхъ испочниковъ , а именно : изъ непремѣнныхъ свойствъ и ошношеній между всеобщими понятіями , или изъ дѣйствительнаго , хошя измѣняемаго хода вещей. На семъ-шо основывается извѣстное оное раздѣленіе доказательствъ на два рода , изъ которыхъ одинъ зависящъ ошъ понятій чиспыхъ (а priori), а другой ошъ опыта или дѣйствительныхъ обстоятельствъ происшества (а posteriori). Орапоръ гораздо чаще употребляетъ доказательства послѣдняго рода, оставляя первый Философамъ.

§ 9. Доказательства , основанныя на опытахъ , зависящъ или ошъ чувспвованій , какъ внутреннихъ , такъ и внешнихъ , или ошъ воспоминанія. Хо-

пя опытъ не ограничивается познаніями, почерпаемыми изъ оныхъ же двухъ источниковъ; однако всегда почши ушверждаешся на сравненіи обстоятельствъ, на связи и на принаровкахъ. Вспоминая прошедшіе случаи, которые касались другихъ людей, мы разсуждаемъ о насшоящемъ, и даже осмѣливаемся угадывать будущее. Сіи случаи, подшвержденные вѣками и неоднократно повшоренные въ самыхъ своихъ послѣдствіяхъ, становяшся собственнымъ нашимъ опытомъ, непреложнымъ и вѣрнымъ. Напрошивъ того обстоятельства насшоящія, часшо не докончанныя, будучи подвержены вліянію времени и другихъ обстоятельствъ, служащъ шолько къ тому, чшобъ заспавипь насъ думащъ и выводипь вѣрояшныя умозаключенія.

§ 10. Сюда же принадлежанъ хошя не шолько надежныя, но часшо упошребляемыя доказательства по аналогіи, въ которыхъ о сущесствѣ вещи судимъ по ея сходству и отношеніямъ съ другими предметами. Чѣмъ видѣе сіе сходство, шѣмъ доводъ сильнѣе; впрочемъ надобно поминипь, чшо шакковыя доказательства сами по себѣ не

имѣющъ надлежащей точности, и только могутъ приобретать нѣкоторую степень вѣроятія и силы; особенно употребляются онѣ въ опроверженія чуждаго мнѣнія. Сюда причислишь должно также примѣры, которые служатъ поясненіемъ доказательствъ.

§ 11. *Историческое доказательство* основывается на свидѣтельствѣ или преданіяхъ, заключающихъ въ себѣ опыты и чувствованія другихъ людей. Достоинство ихъ зависитъ отъ большей или меньшей степени увѣренности въ свидѣтеляхъ, въ признакахъ, въ Испорикахъ, также отъ существа предмета; отъ намѣренія, съ которымъ намъ объ ней сказывали, отъ времени и обстоятельствъ, среди которыхъ оно случилось.

§ 12. Орапоръ долженъ имѣть въ виду не одну только силу и важность доказательствъ, но и самое ихъ мѣсто и порядокъ. Обыкновенно впереди полагаются легчайшія и удобнѣйшія для понятія; за ними слѣдуютъ тѣ, которые труднѣе, представленные со всею возможною подробностію, и объясненные въ самыхъ нѣжныхъ своихъ опшѣнкахъ; смотря по силѣ и разительности

спи, онъ располагающа въ порядкѣ до самаго заключенія Рѣчи такъ, чѣлобы собственнымъ своимъ достоинствомъ и принаровками къ дѣйствительному образу живни челоѣческой производи сильнѣйшее влїаніе на сердца слушапелей, и совершенно ушвердили ихъ въ шѣхъ мысляхъ и чувствованїяхъ, копорыми исполненъ самъ Орапоръ. Сверхъ того сіи доказательства, такъ какъ и другїя части Слова или Рѣчи, пребуюшъ самой натуральной связи между собою, и легкихъ, непринужденныхъ переходовъ отъ одного къ другому.

§ 13. Орапоръ долженъ дѣйствовать не на одинъ только разумъ челоѣтка, но и на всѣ его *душевныя силы*. Онъ старается особенно воспламенить воображеніе слушапеля, дабы такимъ образомъ привязать къ себѣ все его вниманіе. Новость, краса, важность и возвышенность мыслей, такъ какъ и одежда ихъ, служатъ самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ. Живыя, разительныя картины много способствуюшъ къ самому убѣжденію ума челоѣческаго. Подобнымъ образомъ дѣйствуетъ Писатель на память; чѣмъ подробнѣе, полнѣе и, такъ сказать,

существеннѣе изображеніе предмета, чѣмъ легче можно понять его, и долѣе удерживашь въ памяти. Къ тому же способствуешь соблюденіе порядка легкаго, свободнаго, естественнаго во всѣхъ частяхъ сочиненія.

§ 14. Самое важное дѣло Орашора, желающаго обладать сердцами своихъ слушателей, есть возбужденіе спрасшей. Онъ оживляющъ всѣ наши мысли и воображеніе. Цѣль Авшора дѣлается цѣлью самыхъ слушателей; его склонность и желаніе спановящся общими склонностями и желаніями. Мы не только одобряемъ его совѣщы, но съ великою охотою гошовой спремимься, куда онъ насъ призываетъ; гошовой дѣйствовашь вмѣстѣ съ нимъ, а особливо когда онъ умѣетъ съ одной спороны убѣдишь насъ въ выгодахъ предлагаемаго имъ мнѣнія, а съ другой спороны представляешь легчайшее средство къ достиженію конца.

§ 15. Главное средство возбужданья спрасши есть живое изображеніе предмета и обстоятельствъ, къ оному принадлежащихъ. Чѣмъ вѣроятнѣе рассказано происшествіе, чѣмъ

предсказано разительнѣе, чѣмъ болѣе оно имѣеть отношеній къ важнымъ слушателямъ, или по времени, или по мѣсту, или по лицамъ, о которыхъ говорится, или наконецъ по слѣдствіямъ, могущимъ произойти; тѣмъ сильнѣйшее имѣеть вліяніе, тѣмъ болѣе возбуждаетъ участія, спрасни, изступленія. Ораторъ иногда основываетъ возбужденіе спрасней на нравственныхъ понятіяхъ о чести, справедливости, славѣ, любви къ отечеству.

§ 16. Искусство состоитъ не въ одномъ только воспламененіи спрасней, но и въ *утоленіи* оныхъ, — разумѣется тѣхъ, которыя противны цѣли Оратора. Въ такомъ случаѣ стараешся онъ уничтожить побудительныя причины противной спрасни, или по крайней мѣрѣ ослабить ея вліяніе, или замѣнить одну спраснь другою, болѣе благоприятною. Часто довольно одного смѣшнаго, для опроверженія самыхъ важныхъ предложеній; часто важный, спокойный видъ противника уничтожаетъ всѣ колкія насмѣшки жестокаго Оратора. Надобно со всею быстротою, со всею ловкостью предупредить, остановить, или ослаб-

лять всякое нечаянное нападеніе неприятели; надобно знать всѣ его выгоды и невыгоды точно также, какъ свои собственныя, и сообразно тому располагашь свои дѣйствія.

§ 17. Для успѣшнаго управленія спрасшей, Орашору необходимо нужно глубокое познаніе сердца человѣческаго, познаніе каждой спрасши особливо, ея шайныхъ побудительныхъ причинъ, ея хода, дѣйствія въ многоразличныхъ порывахъ и измѣненіяхъ. Кроме того, онъ долженъ бытъ живо проникнуть шими самыми чувствами, которыя хочешь возбудишь въ другихъ; онъ долженъ бытъ увѣренъ въ шой истинѣ, въ кошорой хочешь увѣряшь своихъ слушателей; онъ не выпускаешь изъ виду и собственныхъ своихъ къ нимъ отношеній, измѣряя ихъ уваженіе къ себѣ, ихъ довѣренность, ихъ благорасположеніе. Подозрѣніе, или предупрежденіе слушателей противъ Орашора можешь сдѣлать недѣйствительными самыми величайшими усилия блистательнаго краснорѣчія.

§ 18. Слогъ Рѣчей измѣняется до безконечности, сообразно ихъ содержа-

нію. Орапоръ упопреляешъ всѣ при-
 главные роды слога, какъ по *простой*
 или *народной*, въ объясненіи своего
 дѣла, въ предложеніяхъ, или разбира-
 шельспвахъ мѣтній; — *средній*, для
 того, чтобы нѣкошорыми приличными
 украшеніями замѣнишь сухой и скучной
 образъ доказательствъ и объясненій,
 чтобы оживишь его картинами, опи-
 саніями и разсужденіями, — и на-
 конецъ *высокій*, въ шѣхъ мѣсцахъ, гдѣ
 господствуешь спрасть, гдѣ упопреля-
 ется все, дабы воспламенишь вообра-
 женіе и пошряши сердце. Много дѣй-
 ствуешь Орапорское *благозвучіе*, особ-
 ливо шамъ, гдѣ попребна особенная си-
 ла, и гдѣ, шакъ сказашь, ишощающа
 всѣ способы ишциннаго краснорѣчія.

§ 19. Когда Рѣчи опредѣлены къ
 изустному произнесенію, то Орапоръ
 долженъ не забыть объ искусствѣ, *про-*
возглашенія. Оно шребуешь громко-
 сти и свѣшлости въ голосъ, пріят-
 ныхъ измѣненій при повышеніи и по-
 ниженіи онаго, его скорости или про-
 шяжности, и наконецъ возможнаго
 согласія шоновъ съ содержаніемъ рѣчи
 и со спрастями, въ ней царшвующими.
 Для досшиженія сего искусства, много

способствующую природная гибкость и заблаговременное образование органов голоса, частое упражненіе, внимательное наблюденіе природы и внутреннее живое чувство.

§ 20. Сверхъ того къ искусству Орашора принадлежатъ *тѣлодвиженія* или *наружныя дѣйствія*. — Прилич- ный видъ, положеніе, выразительность и перемѣны лица, обращеніе рукъ и движеніе всего тѣла должны соотвѣт- ствовать содержанію Рѣчи и ожив- лять каждое слово. Въ семь случаевъ изученіе Природы и изученіе собствен- ныхъ чувствъ гораздо болѣе помогутъ, нежели теоретическія правила. Тѣло- движеніе Орашора должно нѣкопорымъ образомъ не только обрисовывать ха- рактеръ его, но и всякую мысль и чув- ство. Онъ избѣгаетъ всего излишняго и безобразнаго, всего того, что мог- ло бы сдѣлать его смѣшнымъ.

§ 21. Теперь уже видно, какія главныя качества и дарованія пребу- ются въ Орашора, если онъ хочетъ достигнуть своей цѣли. Между дара- ми врожденными должны отличать его: гений, наблюдательный взоръ, быстрое

оспроуміе, вкусъ, высокосшь духа, во-
ображеніе, память, сила чувствованій,
и наконецъ сила, пріятность и гиб-
кость органа. Между способностями
пріобрѣтаемыми: — познаніе человѣче-
ской природы, здравая Философія, свѣ-
дѣнія Испоріи и всеобщей Липера-
шуры, опытность въ рипорическихъ
правилахъ, и часное упражненіе въ
сочиненіи Рѣчей и въ изуспномъ ихъ
произнесеніи.

§ 22. До сихъ поръ предложенныя
правила касающя вообще Рѣчей, и мо-
гутъ быть принаровлены къ каждому
ихъ роду; но есть шакже правила, ко-
порыя ошносятса къ одному какому-
нибудь роду; мы скажемъ объ нихъ нѣ-
сколько словъ. — *Политическое красно-*
рвчіе, котораго упошребленіе нынѣ
не столь обширно, какъ было въ древ-
нія времена, шребуешъ ошъ Орашора
почнаго и подробнаго свѣдѣнія о пра-
вахъ и выгодахъ своего опечесства. Онъ
долженъ имѣть основательное познаніе
обо всемъ, чшо служишь къ его поль-
зѣ и вреду. Онъ предвидишь всѣ спаси-
шельныя средшва къ общему благу.
Онъ всегда богатъ въ швердыхъ доказа-
шельствахъ на всѣ свои предложенія,

въ надежныхъ планахъ къ исполненію оныхъ; его опличають мужество и рѣшительность къ преодолѣнію всѣхъ препятствій и затрудненій. Онъ долженъ быть свободенъ отъ своекорыстія, отъ всѣхъ спрассей и отъ частныхъ привязанностей.

§ 23. *Судебное Краснорѣчіе* предполагаетъ основательное познаніе Естественнаго и Гражданскаго Права: сверхъ того, полное и ясное понятіе о томъ дѣлѣ, которое составляетъ предметъ Рѣчи. Орасторъ долженъ знать отношенія и нравственность характеровъ, состояніе и обстоятельство обвиняемаго и защищаемаго. Законы совѣсти преобладаютъ, чтобы онъ представилъ весь процессъ безъ всякой перемѣны, опущеній или прикрытій. Онъ можетъ употребить въ свою пользу всѣ благородныя средства, дабы убѣдить разумъ Судей и пронести ихъ сердце.

§ 24. Если главное намѣреніе *духовнаго Краснорѣчія* состоитъ въ утвержденіи Христіанскихъ истинъ посредъ церкви, въ показаніи благодарностей и обязанностей Религіи, въ воспламененіи благодарныхъ чувствованій къ

ея Начальнику, и въ распроспраненіи чиспой, свяшой нравспвенности; шо духовный Орапоръ особенно долженъ спарашься избирашь шакія предложенія, копорья соопвѣшспвовали бы совершенно сему намѣренію. Не занимая слушателей пустыми умозрѣніями и спорными догматами, онъ показываешъ шолько шо, что клонишся къ истинному нашему благу, къ щасшливой и честной жизни. Онъ наблюдаешъ всегда шакой порядокъ и ясность, чтообъ бышъ понятнымъ для каждаго сосполнѣнія людей, не унижая однако достоинства своего предмета слогомъ низкимъ или народнымъ. Наконецъ онъ долженъ возбуждашъ не просшыя, скоропреходящія чувспвованія, не суешныя желанія, но посшоянныя, непоколебимыя, небесныя спрасши къ добру, подкрѣпляющія спранспвующаго человека по скользкому пуши сей жизни.

§ 25. Происхождение Краснорѣчія опносишся къ первымъ временамъ общеспвенной жизни, хотя оно было шогда болѣе даромъ Природы, нежели плодомъ искусствва. Когда Греки составили изъ Краснорѣчія науку, шогда явились между ними собспвенно называе-

мые Орапоры, копорые упошребляли свое искусство или въ дѣлахъ Государственныхъ, или въ судебныхъ изслѣдованіяхъ. Славнѣйшія Рѣчи, до насъ дошедшія, принадлежатъ *Демосвену*, *Эсхину*, *Лизіасу* и *Исократу*.

§ 26. Съ такимъ же намѣреніемъ Краснорѣчіе совершенствовано было у Римлянъ, копорыхъ можно назвашъ щаспливыми подражашелями Грекамъ. Удивительный образецъ въ семь искусствѣ есть *Цицеронъ*. Между прочими, до насъ дошедшими Рѣчами, опличающа Слово младшаго *Плинія*. Рѣчи *Квинтиліана*, въ подлинности копорыхъ сомнѣваются, можно болѣ назвашъ Разсужденіями, нежели Рѣчами.

§ 27. Между Испаліянцами нѣтъ почти ни одного Орапора, копорый заслужилъ бы блистательную славу; гораздо болѣ успѣли Французы, а особливо въ судебныхъ, похвальныхъ, Академическихкихъ и духовныхъ Рѣчахъ. Знаменистѣйшіе: *Фонтенель*, *Томасъ*, *Бурдалу*, *Массильонъ*, *Боссюэтъ*, *Флешье* и *Сорень*.

§ 28. Между Англичанами существующа еще до сихъ поръ полишиче-

ское или судебное Краснорѣчье въ настоящемъ своемъ видѣ. Въ числѣ отличныхъ Орашоровъ счисляются: *Тилотсонъ*, *Стернъ*, *Блеръ*, *Питтъ*. Нѣмцы также не произвели ничего особеннаго въ семь родѣ. Упомянемъ *Мосгейма*, *Крамера*, *Шлегеля*, *Шпалдинга*, *Лафатера*, копорые преимущественно прославились. Изъ Рускихъ болѣе извѣстны: *Феофанъ Прокоповичъ*, *Ломоносовъ* и другіе.

